

**ИЗВЕСТИЯ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

**NEUVOSTOLIITON TIEDEAKATEMIAN
KARJALAIS-SUOMALAISEN FILIAALIN
TIEDONANTOJA**

№ 2

**ИЗДАНИЕ КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1950**

ИЗВЕСТИЯ
КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

NEUVOSTOLIITON TIEDEAKATEMIAN
KARJALAIS-SUOMALAISEN FILIAALIN

TIEDONANTOJA

№ 2

ИЗДАНИЕ КАРЕЛО-ФИНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1950

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Член-корреспондент АН СССР И. И. Горский (отв. редактор), проф.
В. Г. Базанов, проф. П. А. Борисов, канд. техн. наук С. В. Григорьев,
А. В. Иванов (заместитель отв. редактора), канд. истор. наук В. И. Маше-
зерский (секретарь редколлегии), проф. И. Ф. Правдин.

И. В. ПЕРВОЗВАНСКИЙ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕСНОЙ И БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Выступая на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ 27 марта 1927 г., наш вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин говорил: „Только промышленность, систематически снижающая цены на товары, только промышленность, базирующаяся на систематическом снижении себестоимости продукции, только промышленность, систематически улучшающая, стало быть, свое производство, технику и организацию труда, методы и формы управления хозяйством — только такая промышленность нужна нам, ибо только она может развиваться вперед и только она может дать пролетариату полную победу“ (И. В. Сталин, Соч., т. IX, стр. 194).

Экономное расходование сырья и рациональное использование его, наряду с правильной организацией труда и рационализацией производственного процесса, являются наиболее эффективными средствами, влияющими на снижение себестоимости продукции. Но рациональное использование древесного сырья невозможно без лесохимии, так как только лесохимия может увеличить количество ликвидной древесины, делая возможным использование даже таких частей дерева, как пни, ветви, сучья, кора, хвоя, которые лесозаготовителями обычно сжигаются в лесу.

Если лесозаготовители будут освобождены от работ по очистке лесосек, что возможно только в том случае, если эти отходы будут использованы в качестве лесохимического сырья, то это может повысить производительность труда на лесозаготовках на 20%, что уже должно оказать влияние на себестоимость продукции.

Но если лесосечные отходы приобретают значение сырья, из которого может быть получена ценная лесохимическая продукция, то часть затрат, связанных с получением лесосечного фонда, может быть отнесена лесозаготовителем и на ту массу древесины, которая заключается в отходах. В калькуляции себестоимости продукции основного производства должны сократиться расходы на приобретение сырья, которые в настоящее время имеют очень высокий удельный вес в себестоимости продукции отчасти из-за того, что отходы не используются. В лесопильном производстве почти 80% себестоимости

продукции падает на сырье, в целлюлозном производстве 45%. Если бы все отходы этих производств утилизировались, то удельный вес сырья в себестоимости продукции основного производства был бы значительно ниже.

На предприятиях деревообрабатывающей промышленности, при системе, когда отходы сжигаются, они имеют иногда отрицательную стоимость, если приходится затрачивать средства на их уничтожение, чтобы они не захламляли территорию предприятия.

Но с того момента, как эти отходы приобретают значение сырья, например для гидролизного производства, где из них получают винный спирт, они не могут уже считаться бесполезным хламом и приобретают ценность, а лесопильный завод имеет право отнести часть затрат, связанных с получением сырья, на то количество древесины, которое он передает гидролизному заводу. И тогда себестоимость продукции основного производства снизится, так как затраты, связанные с получением сырья, будут отнесены и на это сырье, передаваемое гидролизному заводу или другому цеху, использующему его.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что наши гидролизные предприятия получают от лесопильных заводов отходы их производства за плату.

Себестоимость спирта, вырабатываемого из лесопильных отходов, даже если их приходится иногда транспортировать на некоторое расстояние по железной дороге, оказывается все же значительно ниже, чем при выработке его из сельскохозяйственного сырья.

На предприятиях деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности лесохимическое использование отходов в особенности легко осуществимо благодаря тому, что отходы сконцентрированы в одном месте и не требуется расходов на их сбор и доставку к пунктам переработки.

Кроме того, лесохимические производства обычно требуют значительное количество технологического пара, а на предприятиях деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности могут оказаться резервы тепловых мощностей в количествах, вполне обеспечивающих потребность в них лесохимических производств.

Несмотря на то, что на лесозаготовках требуются расходы по сбору и транспорту отходов, использование последних может окупать все производственные издержки и давать значительную прибыль предприятию, при небольших сравнительно капитальных затратах.

Для примера возьмем передвижные форпирильные установки.

В настоящее время, в связи с необходимостью увеличения объема лесозаготовок в К-ФССР, здесь проектируется много новых лесозаготовительных предприятий.

Возьмем одно из них — Костомукшский леспромхоз с узкоколейной железной дорогой, рассчитанной на ежегодную вывозку по ней 150 тыс. м³ древесины.

Согласно проектного задания, капитальные затраты по созданию этого предприятия исчислены свыше 21,3 млн. руб. На предприятии будет занято 600 человек, стоимость продукции в оптово-отпускных ценах 1949 г. исчисляется в 10,5 млн. руб. (70 руб. за 1 м³), что дает на одного работающего 17 500 руб.

Товарной продукции будет на 10% меньше, т. е. 9,45 млн. руб., так как не менее 10% заготавливаемой древесины будет ежегодно расходоваться предприятием на собственные нужды (строительство, дро-

ва для паровозов, электростанций, на отопление), а ежегодная прибыль предприятия определится как разница между стоимостью товарной продукции и производственными затратами. По проекту эти затраты исчислены в 34 р. 55 коп. на 1 м³, или всего 5 182,5 тыс. руб. Отсюда ежегодная прибыль может быть исчислена в 4 267,5 тыс. руб., что составляет 20% основных средств предприятия (21,3 млн. руб.).

Таковы основные экономические показатели предприятия в том случае, когда лесосечные отходы сжигаются (использование их в данном случае проектом не предусмотрено).

Показатели эти резко меняются при использовании отходов в передвижной форпиrolизной установке.

Принимая во внимание, что в настоящее время древесина лиственных пород в Карело-Финской ССР оставляется большей частью на корню неиспользованной, можно считать, что, при заготовке 150 тыс. м³ древесины, отходов будет не менее 20% т. е. 30 тыс. м³.

Для сжигания этого количества отходов, при норме на 1 человека 35 м³ сучьев в день (при коэффициенте полндревесности их 0,25), потребовалось бы затратить 3 429 человеко-дней, или около 12 человек в течение года.

Таким образом первое, что нужно отметить при утилизации лесосечных отходов, это — экономия на рабочей силе, которую можно использовать на других работах¹.

Считая, что одна треть отходов при форпиrolизе древесины будет израсходована в качестве топлива при подогревании реторт, остающиеся 20 тыс. м³ можно будет использовать в качестве сырья, разделенного на крупные куски, длиной до 20 см.

При весе 1 плотн. м³ древесины смешанной породы, с 45% влажности в 850 кг, вес 20 тыс. м³ абсолютно сухой древесины будет равен 9 350 т.

Из этого количества сырья, принимая во внимание, что часть его будет состоять из древесины лиственных пород, дающих повышенный выход уксусной кислоты, можно получить:

	В тоннах	В %
Уксусной кислоты	2 376	выход 2,5
Метилового спирта	70,125	0,75
Растворителей (флотац. масло)	70,125	0,75
Смолы	561	6
Бурой древесины	7012,5	75

Отпускная стоимость этих продуктов по оптово-отпускным ценам 1949 г. — 5 271 000 руб., в том числе:

Уксусной кислоты . . .	1 056 540 руб., по 4 520 руб. за 1 т.
Метилового спирта . .	189 337 " " 2 700 " "
Растворителей (флотац. масло)	1 350 625 " " 5 000 " "

¹ Из опубликованных в последнее время цифр (см. Лесн. Пром., № 5 за 1950 г.; статья Н. П. Долгополова и П. Е. Петрова), следует, что, при составе бригады в 20 чел. заготовкой и трелевкой леса заняты только 8 чел., а остальные 12 чел. заняты обрубкой и сжиганием сучьев, а из них только сжиганием занято 60%. Даже если считать, что работа по сжиганию сучьев требует только 50% из 12, или 6 чел. то и тогда оказывается, что из всего состава бригады сжиганием сучьев занято 3%. Таким образом, экономия на рабочей силе, при утилизации, а не сжигании лесосечных отходов, может быть значительно больше.

Смолы	729 300 руб. по 1,300 руб. за 1 т.
Бурой древесины (по цене ретортного угля)	2 945 250 " " 420 "

Отпускная стоимость 1 насыпн. м³ газогенераторной чурки весом 280 кг по прейскуранту 1950 г. — 100 руб., или стоимость 1 т. такого топлива равна 357 руб.

Одна тонна бурой древесины оценена в 420 руб., т. е. на 63 руб. дороже, но хозяйственник всегда предпочтет переплатить эту сумму, так как фактическая себестоимость 1 м³ газогенераторной чурки в К-ФССР значительно выше, а кроме того калорийность бурой древесины на 50% выше калорийности чурки, и расходовать ее придется в меньшем количестве, чем чурку.

Производственные затраты при форпиролизе отходов могут слагаться из следующих статей:

Расходы, связанные с заготовкой сырья и топлива для форпиролизной установки из лесосечных отходов, считая на 1 м ³ по 40 руб.	1 200 т. руб.
Расход керосина по 0,5 т на 1 т. уксусной кислоты	82 т. руб. ¹
Амортизация 8%	120 "
Зарплата и начисления (2 инженера и 6 мастеров на 2 установки)	90 "
Итого	1 492
Ожидаемая прибыль	3 779

Это при условии, что работы по заготовке сырья производятся без механизации и стоят очень дорого (1,2 млн. руб.), требуя большого количества людей. В перспективе же нужно считаться с неизбежностью механизации этих работ, что поведет к сокращению числа рабочих и производственных затрат. В этом же направлении будет влиять вывозка деревьев с лесосек вместе с кронами и разделка их на складе, а не на лесосеке.

Капитальные затраты слагаются из стоимости двух передвижных установок (0,5 млн. руб.) и затрат на транспортные средства и дополнительное жилищное строительство (1 млн. руб.). Стоимость передвижных установок при серийном изготовлении их также должна быть ниже.

Таким образом мы видим, что при увеличении капитальных затрат всего на 1,5 млн. руб. (это увеличивает основной капитал предприятия только на 7,15%) мы можем иметь прирост товарной продукции на 56% (5 271 : 9 450).

При увеличении численности производственного персонала и рабочих на 120 человек, или на 20%, мы увеличиваем ежегодную прибыль предприятия на 3 769 тыс. руб., или на 88,5% (3 479 : 4 267,5).

Если без использования отходов на 1 человека, занятого в производстве, приходилось всего 17 500 руб. валовой продукции (10 500 : 600), то, при использовании отходов в передвижных форпиролизных установках, эта цифра повышается до 21 900 руб. (10 500 + 5 271 : 720), т. е. увеличивается на 25%.

Без использования отходов, 150 м³ ликвидной древесины дают

¹ Цена керосина 700 руб. за 1 т.

товарной продукции на 9 450 тыс. руб., т. е. на 1 м³ ликвидной массы получается товарной продукции всего на 63 руб.

При использовании же отходов, мы имеем прежде всего прирост ликвидной массы древесины на 30,0 тыс. м³, или на 20%, а стоимость товарной продукции, получаемой из всей ликвидной массы в пересчете на 1 м³, повышается до 81,6 руб. (9 450 + 5 271 : 180).

Передвижные форпиролизные установки являются, в сущности, утильцехом предприятия, которое имеет возможность перенести часть затрат, связанных с получением лесосечного фонда, на лесохимическую продукцию и тем снизить себестоимость продукции основного производства.

Таким образом, основные техно-экономические показатели работы предприятия, при использовании лесосечных отходов, могут только улучшиться, а это должно благоприятно отразиться на общем финансовом состоянии предприятия.

Такие же изменения будут на предприятиях деревообрабатывающей промышленности, при использовании отходов производства в стационарных форпиролизных установках и на целлюлозно-бумажных предприятиях, при утилизации отходов, получаемых при окорке древесины и т. д. Получаемая из этого сырья продукция, в виду ее высокой отпускной цены, позволит включить в ее себестоимость часть стоимости сырья, расходуемого основным производством, и тем снизить удельный вес сырьевых затрат в продукции основного производства.

В Карело-Финской ССР перспективы развития лесохимической промышленности можно связывать, главным образом, с использованием разного рода древесных отходов.

При этом могут быть созданы предприятия индустриального типа (гидролизные заводы, канифольно-экстракционные, металлохимдревкомбинаты), требующие значительных капитальных затрат, большого количества производственного персонала с большим процентом инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих.

В нашей стране лесохимическая промышленность представлена, главным образом, предприятиями такого рода, поскольку сырье, используемое в простых установках с несложным оборудованием, дает менее ценную продукцию.

Наибольший экономический эффект дает комбинирование лесохимических производств с другими производствами, так как при этом наиболее рационально разрешается проблема использования отходов, а кроме того можно наиболее полно и целесообразно использовать энергетические и тепловые мощности, иметь общее паросиловое и транспортное хозяйство, ремонтно-механические мастерские, культурно-просветительные и коммунально-бытовые учреждения и, следовательно, снизить затраты на капитальное строительство.

Комплексное использование древесины, возможное только при лесохимии, дает неоспоримые выгоды. Поэтому ни одно крупное предприятие лесной и бумажной промышленности не должно проектироваться без разрешения вопроса использования его отходов, что всегда влечет за собой снижение себестоимости продукции основного производства.

Эти вопросы должны разрешаться еще в стадии проектирования, чтобы сразу учесть всю потребность в территории для размещения

производственных зданий, подсобных цехов, бирж и поселка со всеми культурно бытовыми учреждениями.

В Карело-Финской ССР, ввиду особенностей ее рельефа, этот вопрос разрешается не всегда легко, и если предприятие будет создано без учета этого момента, то использование его отходов и организация лесохимического производства впоследствии могут натолкнуться на такое препятствие, как недостаток территории.

Развитие лесозаготовок в К-ФССР повлечет за собой рост целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности и возникновение новых центров лесной индустрии. Использование отходов производства на этих новых предприятиях неизбежно должно быть связано с известным усложнением их производственного профиля и привлечением большого количества квалифицированной рабочей силы. В наших советских условиях это означает, что каждую такую производственную точку нужно рассматривать не только как новый центр лесной индустрии, но и как центр советской культуры.

Возникновение в К-ФССР новых городов социалистического типа (Кондопога, Медвежьегорск, Сегежа и Беломорск) обязано созданием здесь после Октябрьской революции крупных предприятий лесной и целлюлозно-бумажной промышленности.

Дальнейший рост крупной лесохимической промышленности в К-ФССР, связываемый со строительством здесь предприятий комбинированного типа, будет, таким образом, содействовать не только дальнейшему экономическому процветанию республики, но и культурному ее росту.

Лесохимическая промышленность требует более квалифицированных кадров, чем промышленность, связанная с механической обработкой дерева. В К-ФССР таких кадров пока нет. С организацией в республике гидролизного и канифольно-экстракционного производств, неизбежно встает вопрос о новых ремесленных училищах соответствующего профиля, которые будут готовить квалифицированных рабочих для лесохимической промышленности подобно тому, как это делается в настоящее время в целлюлозно-бумажной промышленности. А в дальнейшем потребуются организация и лесохимического техникума, который будет в такой же мере необходим в К-ФССР, как и лесотехнический техникум.

Общей характерной чертой всех лесохимических производств является их более высокая рентабельность.

В то же время капитальных затрат на единицу товарной продукции при организации лесохимических производств требуется меньше. Если стоимость товарной продукции (годового выпуска) на лесозаготовительных предприятиях исчисляется примерно в 20—25% от суммы капиталовложений, то на предприятиях деревообрабатывающей промышленности она, при тех же условиях (т. е. при освоении предприятием своей проектной мощности), будет исчисляться в 35—40%, а на гидролизных заводах — 70—75%.

Несмотря на это, лесохимическая промышленность в Карело-Финской ССР развивается крайне медленно. В значительной мере это можно объяснить недостатком рабочих рук, напряженностью трудового баланса в К-ФССР. Правительство нашей страны принимает со своей стороны все меры к тому, чтобы устранить влияние этого факта. В Карело-Финскую ССР направляются на лесозаготовки в боль-

шом количестве механизмы и предоставляются большие льготы для завербованных в постоянные кадры рабочих.

Однако план лесозаготовок пока выполняется неудовлетворительно, а в связи с этим задерживается развитие деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, так как даже существующие предприятия не всегда получают достаточно сырья и не могут полностью использовать свои мощности. Поэтому перспективы развития лесохимической промышленности в К-ФССР на ближайший период можно связывать только с использованием отходов лесозаготовок.

В последнее время лесозаготовители начинают трелевать древесину с лесосек целыми хлыстами, вместе с кронами. Это дает возможность перенести работу по обрубке сучьев с лесосек на склады, где разделяется древесина. Таким образом отпадает одно из главных возражений против использования лесосечных отходов — необходимость транспортировки их к пунктам переработки в лесохимических установках. Теперь это затруднение устранено. Лесосечные отходы концентрируются в значительных количествах в пунктах разделки древесины, и уже не потребуется затрачивать дополнительные средства на сбор и транспортировку этих отходов.

Однако лесозаготовители упорно не хотят повернуться лицом к лесохимии и продолжают сжигать сучья даже и в том случае, когда они привезены с лесосек на склад. Этому должен быть положен конец во что бы то ни стало, так как без всякой пользы уничтожается ценнейшее лесохимическое сырье и одновременно наносится вред лесному хозяйству: сжигание больших количеств лесосечных отходов на ограниченной площади приводит к сильному и вредному обжиганию почвы, причем уничтожается весь плодородный слой почвы. В результате увеличивается площадь неудобных земель.

Н. Ф. КОМШИЛОВ и Л. И. СПИРКОВА

ПНЁВЫЙ ОСМОЛ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

Распределение смелистых веществ в сосновом пне

(Сообщение 3-е)

Одним из мероприятий, увеличивающих выход деловой древесины и уменьшающих количество лесосечных отходов, является уменьшение высоты пня.

Инженер Г. М. Парфенов (8) пишет:

„По существующим правилам валки леса высота оставленных на лесосеке пней (считая от шейки корня), при толщине их от 30 см и более, не должна превышать одной трети диаметра среза, а при валке тонкомерных деревьев должна быть не более 10 см...

Отказавшись от оставления пней на лесосеке и внедрив в процесс заготовки леса спиливание деревьев заподлицо с землей, мы на многие сотни тысяч кубометров увеличим выход древесины“.

Вместе с тем уменьшение высоты пня сосны вызовет уменьшение запасов пневого осмолы — сырья для канифольно-экстракционной промышленности.

В нашем первом сообщении (4) мы коснулись данного вопроса и в общих чертах пришли к выводу, что надземная часть составляет $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ часть всего объема заготовленного для производства осмолы. В этом же сообщении мы дали таблицу наших анализов, показывающую, что наиболее смолистой частью пня является его подземная часть (корневая шейка).

В дальнейшем мы считали своим долгом детальнее изучить, насколько отразится спиливание сосны заподлицо с землей на количество и качество будущих запасов пневого осмолы. С этой целью в лаборатории лесохимии был произведен анализ пяти образцов осмолы различной давности рубки. Первый образец представлял собой свежий сосновый пень, остальные образцы были осмолы 15- и 30-летней давности рубки.

Для анализа каждый образец распиливался на несколько частей с таким расчетом, чтобы отобразить в деталях смолистость отдельных элементов пня. Анализы показали, что содержащаяся в пне осмолы смола была распределена неравномерно. Меньше всего смолы ока-

залось в заболони (а), больше в ядре (б, в, г и д). Наиболее просмоленной частью ядра, как уже выше упоминалось, оказалась корневая шейка (в) и менее смолистыми были корни (г), редька (д) и ядро ствола (б).

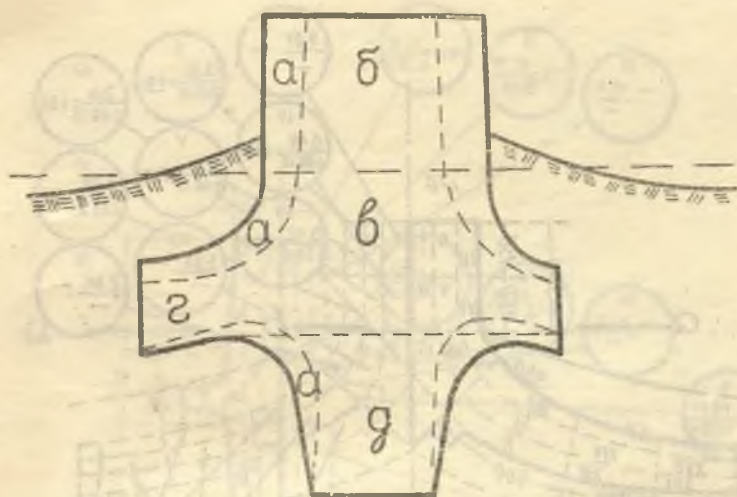

Схема пня.

Данный вывод не является новостью. В литературе, посвященной осмолу об этом писали Г. Дюпон (2), Ю. Н. Емельянов (3), Д. Н. Смирнов и Ф. А. Медников (9), В. С. Васечкин (1), Ф. А. Медников (6) и другие.

Измерение размеров пяти образцов показало, что надземная часть составляет приблизительно $\frac{1}{3}$ всего объема взятого для анализа образца.

Результаты анализов для наглядности приведены не в виде таблиц, а даны на схемах пней, выполненных в масштабе 1:20. На левой стороне схемы даны размеры пня, а на правой стороне в овалах — химическая характеристика отдельных частей пня. В приводимых цифрах числителем дроби является смолистость пневого осмола, выраженная в процентах к обессмоленной сухой древесине, а знаменателем — содержание скипидара, также выраженное в процентах к обессмоленной сухой древесине. Частное от деления одной величины на другую является коэффициентом, отражающим соотношение скипидара и смолы в данной части пня. Этот коэффициент оказался весьма любопытной величиной, показывающей, что соотношение между скипидаром и канифолью в любой части пня, и в любых по возрасту пнях — величина относительно постоянная и близка к десяти. Коэффициент проверен на большем, чем указано в статье, количестве образцов. Большие отклонения в сторону увеличения коэффициента возможны только для периферических частей пня и для пней, долгое время (годы) находившихся в штабелях.

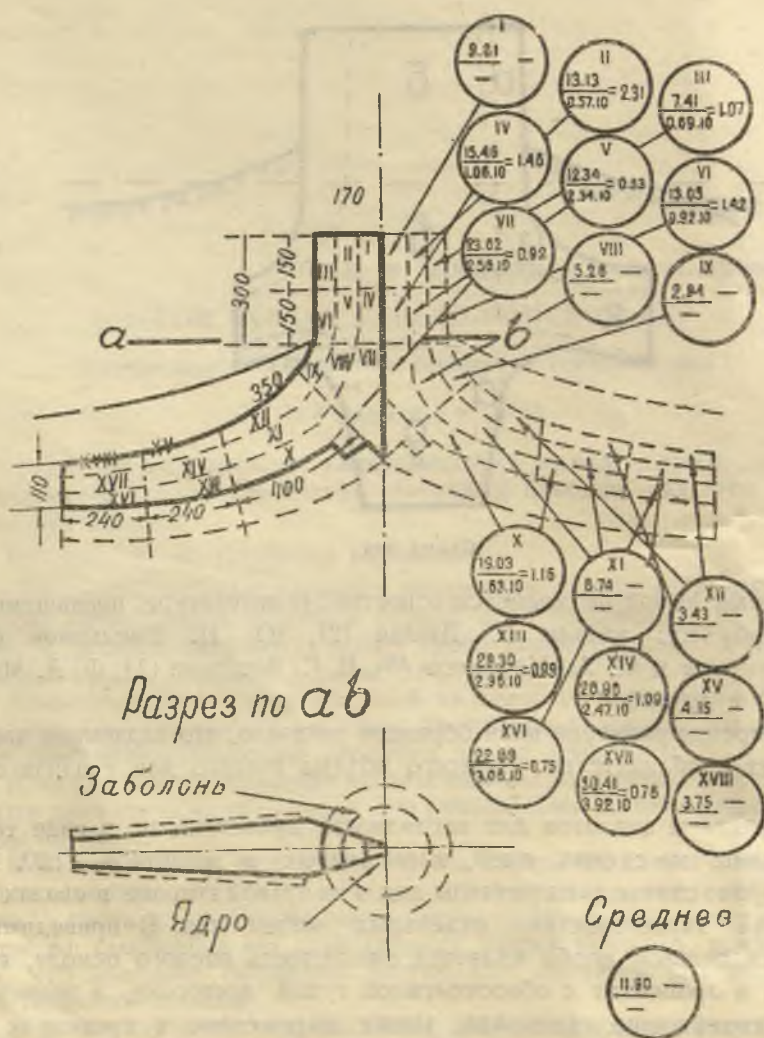

Схема распределения смолы и скипидара в сосновом пне. Образец № 1, взятый в Пряжинском р-не, пос. Магросы. Год рубки 1949. Год корчевки 1949.

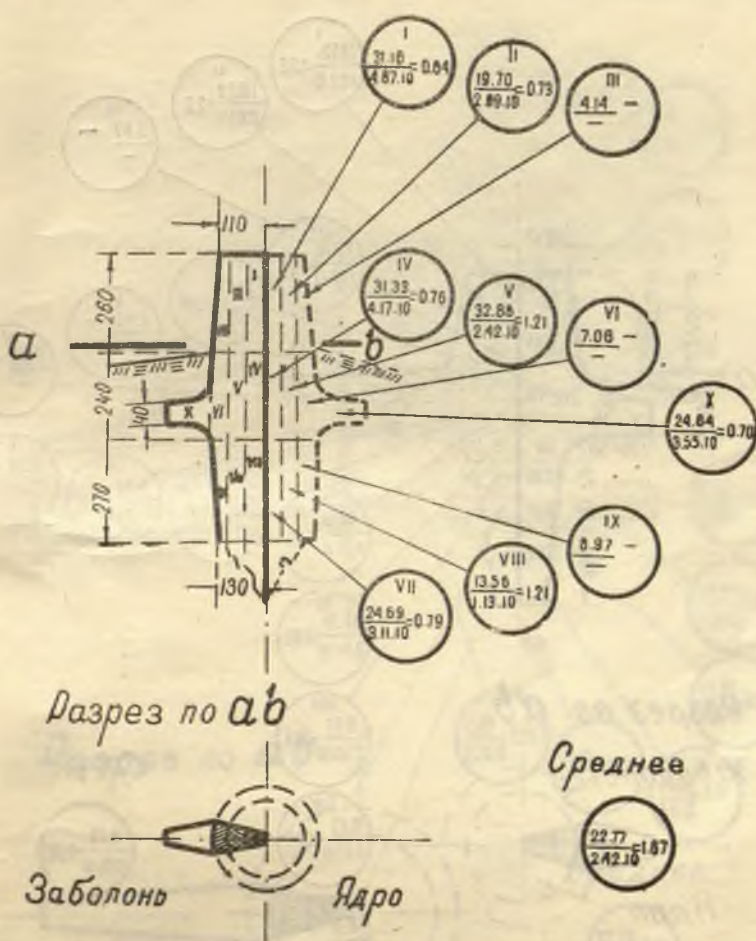

Схема распределения смолы и скипидара в сосновом пне. Образец № 2, взятый в Килевальском р-не, село Ухта. Год рубки 1934. Год корчевки 1949.

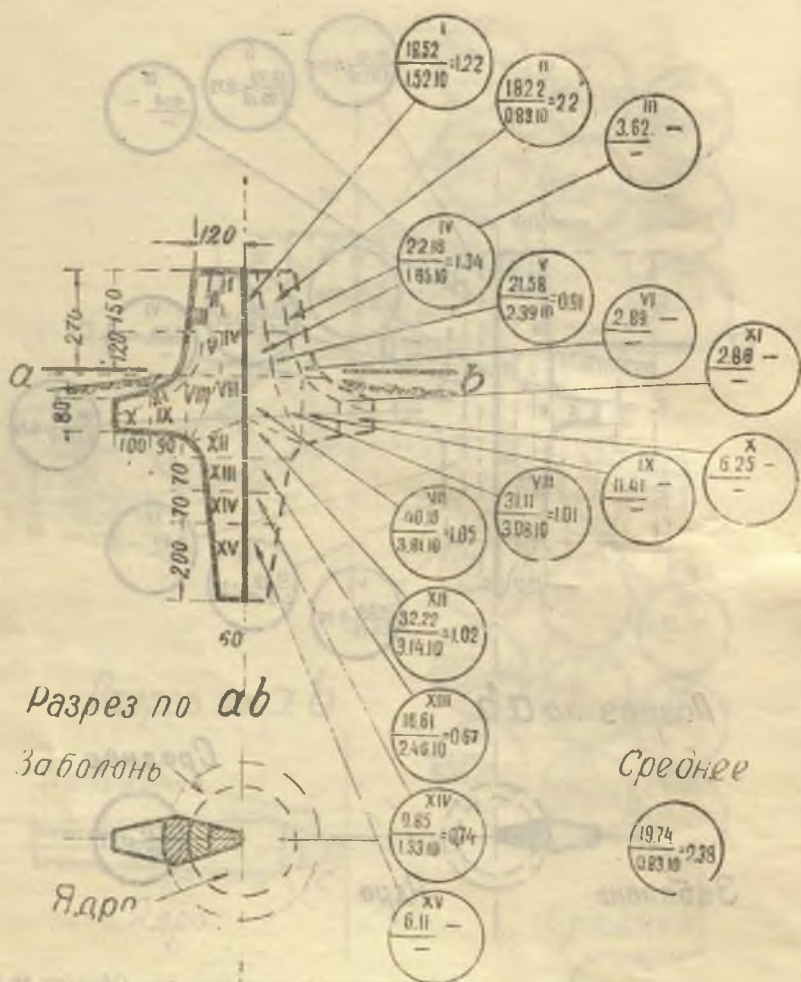

Схема распределения смолы и скипидара в сосновом пне. Образец № 3, взятый в Кестеньском р-не, с. Кестеньга. Год рубки 1933. Год корчевки 1949.

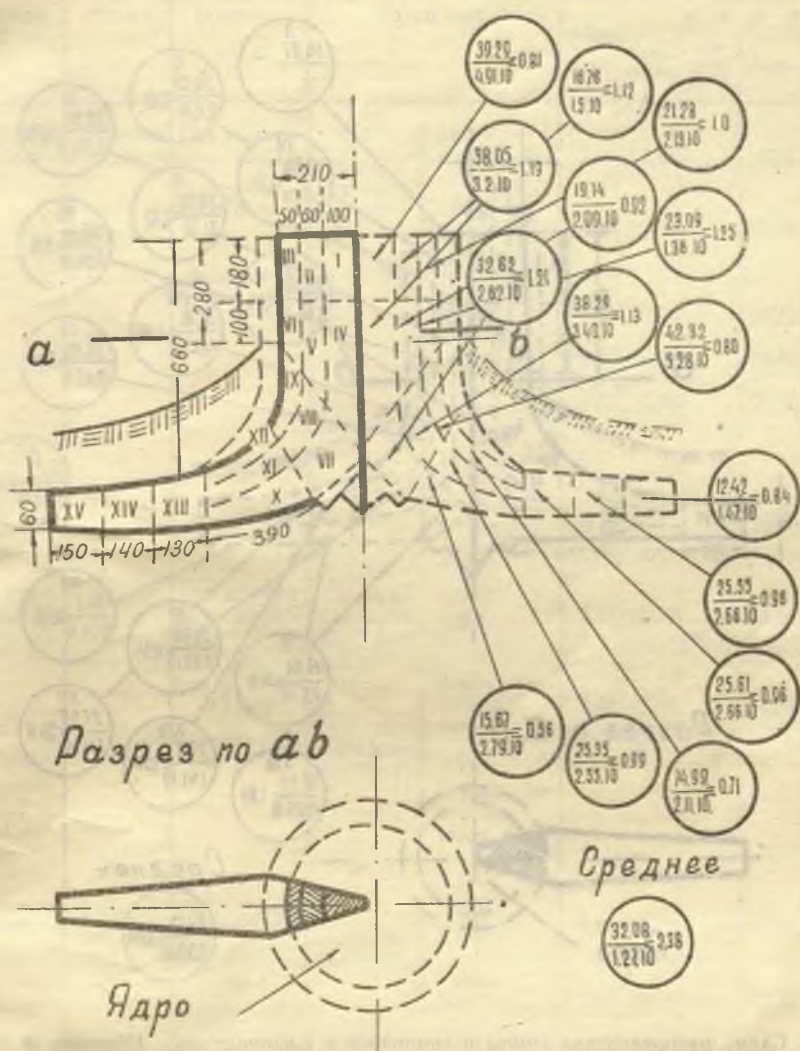

Схема распределения смолы и скипидара в сосновом пне. Образец № 4, взятый в Пряжинском р-не, пос. Матросы. Год рубки 1920. Год корчевки 1949.

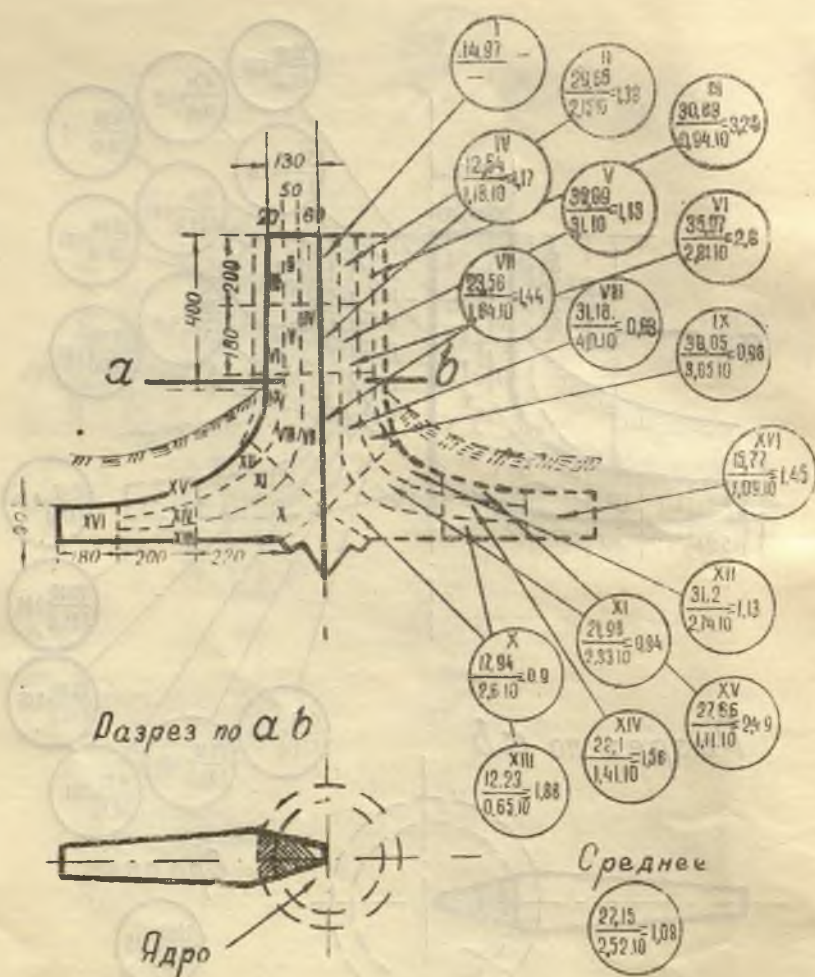

Схема распределения смолы и скипидара в сосновом пне. Образец № 5, взятый в Пряжинском р-не, пос. Матросы. Год рубки 1920. Год корчевки 1919.

Данные смолистости всех частей пяти образцов осмола сведены в таблицу:

№	Район	Почва	Возраст	Части пня	Смолистость в % к обес- смоленной сухой древесине				
					забо- лонь	пери- фери	про- мед. часть	центр.	сред- нее
1	Пяржик- ский	Суглинок с галькой	Год корчев- ки — 1949-й	Назем- ная часть	ствол верх. . . .	7,41	13,13	9,91	
					ствол низ.	13,05	12,34	15,46	
			Возраст 0		корневая шейка . . .	2,94	5,26	23,62	11,90
					корень . . .	3,43	8,74	19,03	
				Подзем- ная часть		4,05	26,96	29,30	
					корень на отрубе толщ. более 11 см	3,75	30,41	22,89	
2	Кале- вальский	Песок	Год корчев- ки — 1949-й	Назем- ная часть	ствол верх.	4,14	19,70	31,16	
					корневая шейка . . .	7,06	32,88	31,33	
			Год рубки— 1934-й Возраст 15 л	Подзем- ная часть	редька . . .	6,97	13,56	24,69	22,77
					корень, на отрубе толщ. 4 см		24,84		
3	Кестень- ский	Супесь	Год корчев- ки — 1949-й	Назем- ная часть	ствол верх.	3,62	18,22	18,52	
					ствол низ.	2,89	21,58	22,16	
			Год рубки— 1933-й Возраст 16 л		корневая шейка . . .		31,11	40,16	19,74
							32,22		
				Подзем- ная часть	редька . . .		16,61	9,85	
					корень на отрубе толщ. 8 см	2,86	11,41	6,25	

№ п/п	Район	Почва	Возраст	Части пня	Смолистость в % к обес- смоленной сухой древесине				
					забо- лонь	я д р о			
						пере- ферия	про- меж. часть	центр	сред- нее
4	Пряжин- ский	Суглинок с галькой	Год корчев- ки — 1949-й Год рубки — 1920-й Возраст 29 л.	Надзем- ная часть	ствол верх. . . .	21,28	16,76	39,29	
					ствол низ. . . .	23,09	19,14	38,05	
					корневая шейка . .	42,32	38,29	32,62	32,08
					корень верх. . .	14,99		25,35	
				Подзем- ная часть	корень низ. . . .	15,67			
					корень . .		21,61		
					корень на отрубе толщ. 6 см.		25,55 12,42		
5	Пряжин- ский	Суглинок с галькой	Год корчев- ки — 1949-й Год рубки — 1920-й Возраст 29 л.	Надзем- ная часть	ствол верх. . . .	30,63	29,65	14,97	
					ствол низ. . . .	35,97	36,09	12,54	
					корневая шейка . .	38,05	31,16	23,56	27,15
					корень верх. . . .	31,20			
					корень низ. . . .	17,94		21,96	
				Подзем- ная часть	корень верх. . . .	27,65			
					корень низ. . . .	12,23		22,1	
					корень на отрубе толщ. 9 см		15,77		

Анализы на смолистость проводились по ОСТ (7) на осмол пнё-
вый сосновый. Всего было сделано 74 анализа. При подсчете мате-
риального баланса веществ, входящих в древесину пня, на долю по-
терь в среднем приходилось менее 1%.

Образцы 15-летней давности рубки сохранили заболонь; это об-
ясняется тем, что они были взяты на севере Карелии, где, конечно,
процессы гниения идут значительно медленнее, чем в центральной
России.

При рассмотрении таблицы можно придти ко второму практи-
чески важному выводу, что торцевая поверхность свежего пня отно-
сительно бедна смолой. По нашим данным, образец № 1 имеет смо-
листость торцевой части ядра 13,13—9,91%; по данным Ф. А. Мед-

никова (6), для десяти контрольных пней (Ленинградская обл.) среднее значение смолистости ядра на глубину 50 мм с торца составляло 18,74% (на древесину 20%-влажности — 12,62%).

Относительно бедна смолой не только торцевая часть свежего пня, но и вся надземная часть его, вплоть до корневой шейки. По нашим данным, низ яровой части ствола образца № 1 имеет смолистость 12,35—15,46%; по данным В. С. Васечкина (1) (Урал), корневая шейка свежего пня имеет смолистость 12,26%.

В литературе, посвященной пнёвому осмолу, приводятся данные, показывающие колебания в больших пределах смолистости ядра надземной части свежего пня. Тем не менее, на основании приведенных данных можно сделать вывод, что по сравнению с другими частями пня (корневая шейка, корни и редька) надземная часть свежего соснового пня бедна смолой. Следовательно, запас смолы в сосновом пне с уменьшением его надземной части уменьшается незначительно.

Аналогичный вывод сформулирован и Ю. Н. Емельяновым (3).

Наличие больших количеств смолы на торцевых поверхностях старых пней не может служить доказательством того, что эта смола была там, когда срубалось дерево. Если проследить, где находится наиболее просмоленная часть в пнях разной давности рубки, то из рассмотрения вышепроизведенной таблицы напрашивается следующая закономерность.

Наиболее просмоленной частью в свежем пне являются корни. В образце № 1 корень на отрубе имел 30,41% смолы. Для осмолы 15—16-летней давности рубки наиболее просмоленной частью является корневая шейка (для образца № 2 32,88—31,33% и для образца № 3 31,11—40,16%). Для осмолы 30-летней давности наиболее просмоленной частью, кроме корневой шейки, является надземная часть пня (для образца № 4 23,09—19,14—38,05% и для образца № 5 35,97—36,09—12,54%), в то время, как корни на отрубе бедны смолой (12,42—15,77%).

Из всего сказанного можно заключить, что возможно передвижение смолы в процессе созревания пня от корней к торцевой поверхности его.

Мы во втором сообщении (5) на несколько ином материале показали, что смолистость осмолы к 30 годам увеличивается примерно вдвое (если смолистость выражена в процентах к обессмоленной сухой древесине). Выводы, сделанные ранее, остаются в силе, к ним мы добавляем то, что обогащение пня смолой происходит, вероятно, в результате ее движения от корней к торцевой поверхности.

Выводы

1. При спиливании сосны заподлицо с землей объем пня уменьшается приблизительно на $\frac{1}{3}$, а следовательно уменьшаются будущие запасы пнёвого осмолы, но качество его будет выше, так как надземная часть свежего пня беднее смолой, нежели подземная.

2. Смолистость пнёвого осмолы с годами увеличивается и это увеличение происходит, вероятно, в результате движения смолы от корней к торцевой поверхности.

3. В данной статье мы вводим новую величину: коэффициент, отражающий отношение содержания смолы в осмоле к содержанию

скипидара. Этот коэффициент является величиной приблизительно постоянной, равной десяти. Отклонения в сторону увеличения от этой величины наблюдаются только в периферических частях пня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васечкин В. С. Технология экстрактивных веществ дерева. М., 1944, стр. 129.
2. Дюпон Г. Терпентинные масла, их получение, состав и применение в промышленности. 1931, стр. 149.
3. Емельянов Ю. И. Кашифоль и скипидар из пней разной давности рубки. Минск, 1937, стр. 5.
4. Комшилов Н. Ф., О. И. Пилипчук и Л. И. Спиркова. Пневый осмол Карело-Финской ССР. Сообщение 1-е. Качество пневого осмола. Изв. КФ филиала АН СССР, № 4, 1949.
5. Комшилов Н. Ф., О. И. Пилипчук и Л. И. Спиркова. Пневый осмол Карело-Финской ССР. Сообщение 2-е. Созревание пневого осмола. Изв. КФ филиала АН СССР, № 1, 1950.
6. Медников Ф. А. Искусственное просмоление молодых сосновых пней. Тр. Лесотехн. акад. им. С. М. Кирова, № 68, 1950, стр. 201.
7. Общесоюзный стандарт 6786/60. Внесен Союзлесхимом Н. К. Леса СССР, утвержден 20 V 1933. Срок введения 1 V 1934. Лесохимический сборник, стр. 17.
8. Парфенов Г. М. Спиливать деревья заподлицо с землей. Лесная промышленность, № 8, 1949, стр. 10.
9. Смирнов Д. Н. и Ф. А. Медников. О комплексном использовании малосмолистой древесины. Сообщение II. Смолистость молодых сосновых пней. Лесохимическая промышленность, № 9, 1940, стр. 66.

А. И. МАРЧЕНКО

ПЛОДОРодНЫЕ ПОЧВЫ СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ

I

Неблагоприятные условия роста сельскохозяйственных культур в северной Карелии обычно объясняют бедностью почв, плохим их термическим режимом и коротким вегетационным периодом. Такая характеристика природных условий в общем отвечает действительности. Наши наблюдения показывают, что почти на всех положительных элементах рельефа преобладает поверхностное подзолообразование, а в отрицательных — заболачивание. Однако среди поверхностных подзолов северной Карелии встречаются отдельные, сравнительно небольшие участки темноцветных и карбонатных почв. Эти почвы в русской литературе еще не описаны. Поскольку они представляют значительный теоретический и практический интерес, мы решили в небольшой статье изложить полевые наблюдения¹ и результаты некоторых анализов, чтобы привлечь внимание хозяйственных организаций к быстрейшему использованию этих почв, а научно-исследовательские учреждения — к более детальному и широкому их изучению.

II

Специфические особенности описываемых почв, как показали исследования, находятся в прямой зависимости от геологических факторов. Последние, в данном случае, обуславливают не только состав и свойства почвенного покрова, но и характер растительности, которая, в свою очередь, является весьма существенным фактором почвообразования. В Карелии издавна известны черные углеродистые сланцы (шунгиты), распространенные в Заонежье, южной части Петровского, Кондопожского районов, а также Туломозеро. На благоприятное влияние заонежских сланцев для роста сельскохозяйственных культур впервые было обращено внимание в 1895 г. Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом.

Академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал: „Судя по густоте и росту произрастающей ржи, темноцветная почва должна считаться

¹ В полевых исследованиях принимали участие студенты В. Манзуров и К. Луговая

очень плодородной и в известной мере вознаграждает северянина за непроизводительность прочих почв Севера¹⁴.

Совершенно изолированно углистые сланцы (шунгиты) залегают на севере Карелии. Они слагают прерывистую полосу меридионального простираия, на севере выходят за пределы республики. К северо-востоку углистые сланцы имеют простираие с юга-востока на северо-запад. С запада они ограничены большой площадью метабазитов, а на восток — гранито-гнейсами. По данным геологических исследований, углистые сланцы представляют нормальные осадочные породы, измененные воздействием щелочной интрузии, несущей довольно интенсивное титано-магнетитовое оруденение.

Углистые сланцы, как северных, так и южных районов Карелии, тесно связаны с доломитами и кремнистыми известняками, образуя частое переслаивание или непосредственно налегаа на доломиты или кремнистые известняки. Так, в некоторых местах на дневную поверхность выходят углистые сланцы, а в других наоборот, в виде отдельных выступов, на поверхности встречаются кремнистые известняки. Таким образом, формирование почв отдельных участков северной Карелии происходит, во-первых, на углистых сланцах, а во-вторых, на кремнистых известняках.

Углистые сланцы, выходящие на дневную поверхность, представлены или крупными обломками или мелкоземистой массой, которая в дождливое время окрашивает в темный цвет воды, собранные в небольших впадинах. По своему составу углистые сланцы неоднородны: одни из них состоят, главным образом, из шунгита, благодаря чему при прокаливании их остается только пепел; другие пронизаны сетью тончайших кремнистых прожилок и после прокаливания образуют сетчатый кремнистый скелет.

Такой состав углистых сланцев более устойчив к процессам выветривания. Но, независимо от степени разрушения углистых сланцев, роль их в процессах почвообразования и влияние на растительность, как показали исследования Л. А. Христовой², исключительно велики. При более детальном их изучении, возможно, встанет вопрос о выделении особой геохимической провинции.

Выходы кремнистых известняков наблюдаются только в одном районе. Они разбросаны по поверхности в виде отдельных кусков, количество которых с глубиной увеличивается.

III

На углистых сланцах развиты темноцветные почвы, а на кремнистых известняках — карбонатные. Первые сравнительно узкой полосой простираются в юго-западном направлении и в некоторых местах выходят на дневную поверхность. На повышенных элементах рельефа под растительным покровом выступают обломки углистых сланцев различных размеров. Иногда они содержат много мелких, пылеватых частиц угольного цвета, а иногда сложены отдельными пластинками сравнительно правильной формы. В пониженных элемен-

¹ Ф. Ю. Левицсон-Лессинг. Об олонеккой черной почве. СПб. общ. естествоисп., 1885.

² Л. А. Христова. Гуминовые кислоты углистых сланцев как новый вид удобрений. Диссерт., 1949 (библ. почв. инстит. АН СССР).

тах рельефа мелкие частицы преобладают в верхних горизонтах. Они напоминают истертый уголь и только с глубиной количество крупных обломков заметно увеличивается.

Характерной особенностью является отсутствие на углистых сланцах сосновых лесов. Вся площадь занята или еловыми или березовыми насаждениями, причем по своей производительности, мощности кроны, еловые и особенно березовые леса значительно выше, чем на других отложениях северной Карелии. Чистые березовые леса занимают значительную площадь и по своему составу скорее напоминают превосходные рощи.

Это явление, на наш взгляд, нельзя рассматривать как обычную смену древесных пород. В данном случае имеют место более глубокие геохимические процессы, которые определяют состав леса, свойства почв и характер растительности. Травяной покров отличается значительным разнообразием. Он представлен под березовыми насаждениями злаковой растительностью, а под еловыми — зелеными мхами, в то время как на севере Карелии на грубых песчаных отложениях, занятых сосновыми лесами, преобладают белые мхи.

Для характеристики темноцветных почв на углистых сланцах приводим описание двух разрезов (табл. 1).

Таблица 1

Химическая характеристика почв¹

№ разреза	Глубина (в см)	В % на абс. сухую почву			В м.-экв. на абс. сухую почву		Обменная кислот- ность (в м.-экв.)			pH		В мг на 100 г почвы	
		гигр. H ₂ O	гумус	азот	Ca	Mg	H+Al	H	Al	H ₂ O	KCl	P ₂ O ₅	K ₂ O
106	0—3	8,67	—	—	—	—	9,34	3,55	5,79	4,64	3,65	—	—
	10—15	2,85	8,14	0,10	2,39	1,77	4,71	0,17	4,54	4,81	3,85	3,00	11,43
	25—30	2,76	3,32	0,08	1,87	1,07	3,37	0,10	3,27	5,08	3,87	2,00	13,70
20	0—7	7,93	—	—	—	—	4,75	2,59	2,16	4,27	9,23	—	—
	7—12	2,89	10,62	0,20	1,56	0,70	2,50	0,18	2,34	4,99	4,24	26,0	8,24
	60—65	1,95	14,56	0,54	5,66	3,78	0,44	0,076	0,33	5,43	4,54	25,0	10,10
	88—90	1,82	—	—	7,11	2,72	0,40	0,38	0,06	6,23	5,17	25,0	8,16

Разрез № 106. Заложен на вершине холма. Рельеф холмистый. Смешанный лес, ель с примесью березы. Наземно-растительный покров представлен, главным образом, зелеными мхами:

A₀—0—3 см. Мощная подушка, состоящая из зеленых мхов.

A₁—10—15 см. Темного цвета, с значительным количеством обломков углистых сланцев. Весь горизонт пронизан корневой системой. Переход к следующему постепенный.

¹ Методика определения гумуса Тюрина и Кюппа для этих почв неприемлема. Поэтому полученные величины следует рассматривать условно.

В—25—30 см. Темнокоричневого цвета, с большим количеством обломков углистых сланцев. Корни растений проходят по трещинам, заполненным мелкоземом. Ниже 30 см не выветрившиеся углистые сланцы.

Разрез № 20. Заложен в чистом березовом лесу. Рельеф сравнительно спокойный. Растительный покров представлен равновесием:

А₀—0—7 см. Плотная дернина, черного цвета, пронизанная корнями растений.

А₁—7—12 см. Темного цвета, сложение рыхлое. Встречаются небольшие куски углистых сланцев, резко отличной формы от обнажения разреза № 106. Весь горизонт переплетен мощной корневой системой растений. Переход к следующему постепенный.

В—60—65 см. Темного цвета. Сложение более плотное. Встречаются более крупные обломки сланцев. Корневых остатков растений немного. Переход к следующему постепенный.

С—88—90 см. Разрушенные обломки углистых сланцев, с небольшим количеством мелких частиц.

При сопоставлении полученных данных с анализами темноцветных почв Заонежья видно, что они сильно разнятся по химическому составу. Сумма обменных катионов темноцветных почв севера колеблется от 2,26 до 9,83 м. - экв., а в почвах Заонежья — от 11 до 40 м. - экв. на 100 г почвы. Такое различие связано, с одной стороны, со степенью разрушения углистых сланцев, а с другой — с окультуренностью почв Заонежья. Описываемые северные темноцветные почвы, занятые лесом, сложены слабо разрушенными углистыми сланцами, что является одной из причин небольшого количества обменных катионов и повышенной их кислотности. При освоении этих почв должна произойти быстрая нейтрализация кислотности и увеличение содержания обменных катионов.

Серьезного внимания заслуживает содержание калия и фосфора. Полученные величины показывают, что этими элементами не только обеспечена потребность растений, но что не исключена возможность использования углистых сланцев как удобрения для поверхностных подзолов. Проведенные исследования Л. А. Христовой показывают, что из углистых сланцев может быть приготовлено удобрение, в котором органическое вещество находится в полидисперсном состоянии. Благодаря щелочной реакции этого удобрения, в нем происходит постоянный переход гуминовых кислот из форм менее растворимых в формы более растворимые. Истинные растворы гуминовых кислот оказывают непосредственное воздействие на высшие растения. Указанный автор пишет, что „в концентрациях тысячных и десятитысячных долей процента они стимулируют жизнедеятельность растительного организма, а выше сотых — тормозят“. Таким образом, углистые сланцы не только могут обогащать почвы такими элементами, как калий и фосфор, но истинные растворы их являются сильным стимулятором роста высших растений.

Определения содержания гумуса по методу Тюрина, а потом Кноппа, дали самые разнообразные величины. Нами приводятся наименьшие из полученных цифр.

Большая часть карбонатных почв находилась под пашней, а в настоящее время они покрыты мощным травяным покровом, состоящим из тимopheевки и красного клевера.

Для характеристики их приводим описание разреза № 22 (табл. 2).

Таблица 2

Химическая характеристика

№ разреза	Глубина (в см.)	В % на абс. сухую почву			В м.-экв. на абс. сухую почву		Обменная кислот- ность (в м.-экв.)			pH		В мг на 100 г почвы	
		гигр. H ₂ O	гумус	азот	Ca	Mg	H+Al	H	Al	H ₂ O	KCl	P ₂ O ₅	K ₂ O
22	0—15	2,29	1,77	0,11	27,07	5,31	след	нет	нет	6,69	5,69	5,00	11,32
	17—37	1,47	0,56	0,07	10,25	2,18	нет	"	"	7,22	6,00	5,00	8,08
	36—50	2,15	—	—	41,62	2,82	"	"	"	7,87	7,06	7,60	8,16
	80—90	5,71	—	—	79,44	4,35	"	"	"	7,87	6,77	21,00	7,10

Разрез № 22. Бывшая пашня. В настоящее время вся площадь покрыта мощным травяным покровом. Рельеф холмистый. Разрез заложен на западном склоне холма.

A₂—0—15 см. Темнокофейного цвета, сложение рыхлое. Структура выражена слабо. Встречается много корней растений. Переход к следующему горизонту постепенный.

B—17—37 см. Супесчаный, более рыхлый. Встречаются обломки кремнистых известняков. Переход к следующему постепенный.

B—37—50 см. Более плотный и грубый, с значительным содержанием обломков кремнистых известняков. Переход к следующему постепенный.

C—80—90 см. Грубый песчаный нанос с включением кремнистых известняков.

Из табл. 2 видно, что эти почвы содержат мало гумуса и азота, количество которых с глубиной заметно уменьшается. Обменные основания (Ca+Mg) на глубине 80—90 см достигают величины 83,79 м.-экв., а в верхних горизонтах равняются 32,38 м.-экв. на 100 г почвы. Во всех горизонтах кальций преобладает над магнием. Такое количество обменных оснований нейтрализует в любой форме кислотность почвы. Фосфора в верхних горизонтах содержится немного, а на глубине 89—90 см содержание его достигает 21 мг на 100 г почвы. Калий распределен сравнительно равномерно. В верхнем горизонте содержание калия немного выше, чем в других.

В условиях северной Карелии эти почвы представляют большой интерес для развития земледелия. Внесение органических удобрений — торфа или размолотого до состояния муки углистого сланца (описываемый участок карбонатных почв находится вблизи от углистых сланцев), а возможно и растворов гуминовых кислот сланцев, оказывающих непосредственное воздействие на растение, — может обеспечить хороший урожай сельскохозяйственных культур.

Выводы

1. В некоторых районах северной Карелии, кроме почв с сильно развитым процессом подзолообразования, встречаются темноцветные почвы, развитые на углистых сланцах, и карбонатные почвы — на кремнистых известняках.

2. Поскольку состав этих почв и характер растительности обуславливаются материнскими породами, на которых они образуются, дальнейшее изучение их может привести к выделению самостоятельной геохимической провинции.

3. Специфические особенности углистых сланцев, как на севере, так и в южной части Карелии, могут быть использованы как местное удобрение. Метод получения истинных растворов гуминовых кислот, как стимулятора роста растений, надо применить по Л. И. Христовой.

4. Земельные участки, бывшие под пашней и в настоящее время покрытые мощным травяным покровом, необходимо использовать под земледелие.

А. С. ЛУТТА

Кандидат биологических наук

О ЗАДАЧАХ ПАРАЗИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАРЕЛИИ

Огромный творческий разворот советской биологической науки произошел в связи с торжеством мичуринской биологии. Советские биологи включились в громадную работу по социалистической переделке природы. Гарантацией больших успехов в развитии советской биологии служат единство теории и практики и руководство марксистским диалектическим методом. Единство теории и практики прекрасно выражено в высказывании акад. Т. Д. Лысенко (1948): „Научное решение практических задач — наиболее верный путь к глубокому познанию закономерностей развития живой природы“. Следовательно, в основу разрабатываемой тематики кладутся не собственные интересы, не личный вкус исследователя к тому или иному направлению, а народно-хозяйственные потребности и запросы. Изучением затронуты те проблемы, которые выдвигает жизнь. Для паразитологов актуальными проблемами являются охрана здоровья человека, борьба с вредителями сельского хозяйства и паразитами полезных диких животных.

Основным принципом советской паразитологии является применение мичуринских методов активного воздействия на природу. В паразитологии это означает активную борьбу со злыми силами природы по линии нарушения жизненных норм и возможностей существования вредных организмов.

Важную методическую основу советской паразитологии составляет развитие краевой паразитологии. Проблема краевой паразитологии была выдвинута акад. Е. Н. Павловским еще в 1938 г. По определению Павловского, „проблема краевой паразитологии ставит задачей выявление паразитологических особенностей, которые характеризуют ту или иную часть государства, выделяемую по народно-хозяйственному и административному принципу с учетом ее природного характера“. Развитие краевой паразитологии существенно поможет в решении практических задач в борьбе с паразитами человека и вредителями народного хозяйства.

Главную сущность краевой паразитологии составляют экологические исследования. В каждой географической точке обитающие здесь организмы живут в специфических для данного места условиях. Требования живых организмов сталкиваются с жизненными возмож-

ностями среды, которые определяются комплексом эдафических, климатических, биотических, антропогенных и других факторов. В конкретной среде обитания протекают процессы экологического адаптирования. Изучение этих процессов и составляет содержание краевой паразитологии и экологии в целом.

О задачах карельских паразитологов

Жизнь выдвигает перед карельскими паразитологами ряд сложных научных и практических задач, подлежащих разрешению в определенной последовательности.

Основой тематического плана вновь организованной Паразитологической лаборатории К-Ф филиала Академии наук СССР в 1950 г. явилось апрельское (1949 г.) постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о трехлетнем плане развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства. Развитие животноводства требует весьма строгого планирования работы с участием всех сопряженных с проблемой животноводства научных дисциплин, в том числе и паразитологии.

Для паразитологов важнейшей народно-хозяйственной проблемой является борьба с потерями в животноводстве, вызываемыми паразитами. Хозяйственный урон от паразитов с/х животных огромный. Сельскохозяйственные животные должны быть любыми путями защищены от паразитирующих вредителей. Не меньше исследовательского труда потребуется от паразитологической лаборатории и по линии охраны самого главного жизненного звена — человека. По линии защиты человека от патогенных паразитов и переносчиков трансмиссивных заболеваний неотложною проблемой в республике являются борьба с сезонным энцефалитом, страшным бичом человека — дифиллоботриозом, нематодозами и малярией. Эти болезни очень сильно отражаются на здоровье населения Карелии, мешают его созидательному труду, не говоря уже о тех затратах, которые идут на стационарное лечение.

В том же ряду важнейших неотложных проблем стоит изучение паразитарных заболеваний рыб внутренних и морских водоемов Карелии и охотничье-промысловых животных. Рыбные запасы составляют важное звено в экономике К-ФССР. Рациональное использование естественных запасов, получение нужных показателей в рыбоводстве, плановое проведение интродукции и акклиматизации ценных промысловых рыб не могут быть осуществлены без постоянного учета столь лимитирующего фактора, как паразитарные болезни рыб. Столь же важен учет паразитарного фактора в изучении закономерностей, управляющих численностью охотничье-промысловых животных, лесной дичи, запасы которых катастрофически уменьшаются. Значительную роль в уменьшении этих запасов играют паразиты. Исключительно большой помехой паразиты являются в развитии звероводства. В зверопитомниках ценные пушные звери изнуряются паразитами. Нередки случаи паразитарных эпизоотий, в корне подрывающих хозяйственные планы по получению ценной пушнины.

Таков вкратце перечень тех запросов, которые выдвигает жизнь.

Остановимся теперь на теоретических вопросах, стоящих перед паразитологами Карелии. Основные вопросы могут быть сгруппированы в следующие шесть разделов:

- 1) прежде всего учет паразитофауны, учет того, какие мы имеем

на данной территории вредные организмы и какие из них должны составлять объекты ближайших исследований, как наиболее опасные вредители;

2) изучение распространения паразитов и переносчиков заболеваний и закономерностей, определяющих тот или иной характер расселения их на территории К-ФССР;

3) изучение динамики численности с целью развития научных основ прогнозов; выяснение причин изменения численности вредителя или паразита в разные годы должно решаться в связи с изучением зоологами динамики численности позвоночных хозяев паразитов; позвоночные играют большую роль в распространении болезней и в резервации болезнетворного начала в природе;

4) изучение циклов развития гельминтов с х животных, рыб и охотничье-промысловых животных и жизненных циклов переносчиков трансмиссивных заболеваний с точным определением и учетом сроков развития отдельных стадий и глубоким анализом факторов среды, составляющих или жизненный оптимум или границы жизни для каждой стадии развития и для осуществления онтогенеза в целом. В этой связи стоит большой вопрос о выяснении круга хозяев паразитов как специфичных, так и неспецифичных;

5) изучение и последующее изменение устойчивости организмов к паразитарным инвазиям измененными условиями содержания и питания животных; для эндопаразитов среду обитания составляет внутренняя среда организма-хозяина; эта среда может быть человеком произвольно изменена в сторону угнетения или полного уничтожения паразита;

6) вопросы зоогеографического порядка; из частных вопросов важным является, например, такой вопрос, как определение северных границ ареалов распространения вредителей и паразитов; для одних видов характерны менее низкие, для других более низкие пороговые отрицательные температуры; в изучении ареалов распространения, кроме широтных показателей, должны учитываться долготные координаты.

В общих вопросах и проблемах зоогеографии и истории фауны все большее внимание уделяется паразитологическим данным, все больше привлекаются паразитологические данные для характеристики различных зоогеографических территорий. В. А. Догель (1947) указывает, что „данные по распространению паразитов, взятые сами по себе, могут и должны служить для характеристики зоогеографических областей и делений меньшего порядка в такой же степени, как и данные по свободным животным“. Кроме того, данные о паразитах являются вспомогательным материалом при изучении ареалов и путей расселения хозяев паразитов. Догелю с его учениками удалось накопить большой материал не только по фаунистической, описательной зоогеографии, но и по зоогеографии экологической и исторической.

Вот те основные разделы, которые служат направляющими вехами в наших исследованиях.

При всяком планировании научной работы необходимо учитывать результаты предыдущих исследований. До настоящего времени систематические фаунистические и экологические исследования в Карелии производились Догелем и его учениками по изучению паразитофауны рыб (Догель, 1946, 1947; Догель и Петрушевский, 1939; Догель и Марков, 1937; Догель и Розова, 1941; Быховская, 1933, 1935; Быхов-

ский, 1933, 1947, 1948; Базикалова, 1932; Петрушевский, 1940; Шульман, 1949). Изучением паразитов морских рыб занимались еще Ляйман и Боровикова (1946), Исайчиков (1928), Сциборская (1948) и др. Серия работ была посвящена проблеме дифиллоботриоза (Петрушевский и Тарасов, 1931; Петрушевский, 1933; Петрушевский и Быховская 1933, 1935; Петрушевский и Болдырь, 1935, и др.). В настоящее время паразитофауной морских рыб занимается Ю. И. Полянский. В помощь при решении фаунистических вопросов могут быть привлечены данные финских и шведских исследователей. Они занимались, главным образом, гельминтозами рыб с явным акцентированием на цестодах и трематодах. Среди этих работ интерес представляют работы Шнайдера (*Schneider*, 1901, 1902, 1903), Левандера (*Levander*, 1906, 1906a, 1909, 1920, 1926), Ярнефельт (*Jarnefelt*, 1917), Яскеляйнен (*Jääskeläinen*, 1921), Брофельт (*Brofelt*, 1923, 1927), Оденвал (*Odenwall*, 1928), Эстерхолм (*Österholm*, 1935), Алароту (*Alarotu*, 1944) и др. Все перечисленные работы отечественных и иностранных авторов касаются паразитов рыб. Изучение паразитарных заболеваний диких позвоночных животных и птиц, а также членистоногих эктопаразитов и кровососущих переносчиков трансмиссивных болезней К-ФССР представляет пока белое пятно.

Тематика лаборатории паразитологии К-Ф филиала АН СССР на ближайшую пятилетку

Паразитологические темы ближайшей пятилетки объединены двумя основными проблемами: 1) теоретические основы борьбы с переносчиками трансмиссивных заболеваний человека и с/х животных; 2) паразитофауна рыб и паразитарные заболевания промысловых рыб водоемов К-ФССР и охотничье-промысловых животных. Планирование трех лабораторий в паразитологическом отделе позволило наметить в пятилетнем плане К-Ф филиала исследования по следующим разделам: протозоология, гельминтология и арахноэнтомология. Последний раздел мыслится только в направлении изучения переносчиков трансмиссивных заболеваний.

Протозоология

Бабезиеллоз. Весьма опасным заболеванием сельскохозяйственных животных в К-ФССР является бабезиеллоз, представляющий существенную помеху в деле акклиматизации высокопродуктивного завозного скота. Бабезиеллоз в Карелии и в Ленинградской области в течение ряда лет изучали Чиж и Свирская. Ими установлены основные очаги болезни и распространение переносчиков в этих очагах. В задачу карело-финских исследовательских учреждений входит продолжение этих исследований в направлении изучения распространения и экологии иксодовых клещей.

Комплексирование К-Ф филиала с Республиканской ветеринарно-бактериологической лабораторией делает возможным включение в исследовательский план выяснения всей бабезиеллозной ситуации в К-ФССР, изучение клиники и течения болезни, установление точных северных границ распространения заболевания и уточнение границ районных очагов. Основными исполнителями этого раздела работ будут ветеринарные специалисты — врачи И. Ф. Гордеев и Е. Е. Устинов. Фаунистические материалы К-Ф филиала АН СССР, К-Ф университета и данные ветеринарной службы К-ФССР по бабезиеллозу явятся ос-

новой для составления эпизоотической карты с занесением данных по распространению массовых видов иксодовых клещей-переносчиков бабезиеллоза.

М а л я р и я. Министерство здравоохранения выдвигает на повестке протозоологических исследований проблему изучения малярии. Малярия распространяется вглубь республики и ежегодно выводит из строя трудовое население, особенно в летний период — в сезон наиболее горячих сельскохозяйственных работ. Исследования по малярии в К-ФССР могут быть начаты при условии обязательной организации сети малярийных станций (республиканской, городских и районных) и участия врачей-маляриологов в разработке исследовательских проблем. В паразитологической части исследования должны быть направлены в сторону изучения экологии малярийного комара.

Гельминтология

Необычайно интенсивное повсеместное зачервление человека и сельскохозяйственных животных, зачервление диких животных и рыбы требуют безотлагательного изучения гельминтозов. Гельминтологические исследования начинаются в 1950 г. с изучения паразитофауны рыб Белого моря в связи с акклиматизацией рыб. Эти исследования должны подсказать и в дальнейшем показать динамику паразитоценозов в водоемах, куда будут введены новые компоненты ихтиофауны. Они также послужат основой для осуществления постоянного паразитологического контроля при переброске рыбы из одних водоемов в другие. Из отдельных проблем в ближайшей очереди стоят паразитарные болезни рыб и паразитофауна охотничье-промысловых животных.

За последние годы произошли большие изменения в гидрорежиме водоемов и в составе ихтиофауны. В связи с этим изменилась и ботриоцефалозная ситуация и надлежит произвести обследование всей системы внутренних водоемов К-ФССР и выделить наиболее опасные точки для проведения неотложных мероприятий по борьбе с широким лентецом и для обоснования плана тотальной ботриоцефалозной дегельминтизации.

На очереди стоят также гельминтозы пушных зверей. В звероводческих хозяйствах гельминтозы резко снижают качественные и количественные показатели. В природных условиях гельминтозы представляют существенный фактор, лимитирующий численность популяций в отдельные годы с особенной резкостью. Исследования должны начаться с фаунистических сборов, с выяснения зараженности массовыми, распространенными гельминтами и продолжаться в направлении изучения и расшифровки биологических циклов патогенных гельминтов.

Арахно-энтомология

Из членистоногих паразитов в первую очередь будут изучаться переносчики трансмиссивных заболеваний. В связи с этим с 1950 г. начато изучение иксодовых клещей, прежде всего в очагах бабезиеллоза. Из общей темы „Кровососущие эктопаразиты в К-ФССР“ в 1950 г. вычленена подтема „Иксодовые клещи-переносчики бабезиеллоза и сезонного энцефалита“. Эта подтема рассчитана на 5 лет. По этой теме совместно работают К-Ф филиал Академии наук СССР, изучающий клещей в южных районах К-ФССР, и К-Ф Государствен-

ный университет, начавший исследования по иксодовым клещам уже в 1949 г. в средних и северных районах республики. Первыми вопросами стоят: определение северных границ массовых видов, изучение распределения их по биотопам и расселения на территории отдельных районов и всей республики.

С 1952 года в тематический план включается вторая подтема — „Кровососущие двукрылые Карелии“. В эту подтему будут включены основные опаснейшие элементы гнуса: комары — *Culicidae*, слепни — *Tabanidae*, мошки — *Simuliidae* и мокрецы — *Heteidae*. Эти группы подлежат изучению не только как кровососущие, сильно беспокоящие человека и животных, но и как переносчики опасных заболеваний человека и животных.

Изучение биологии и экологии комаров в К-ФССР, как и в других областях и республиках Союза, подчинено малярийной проблеме. Эта проблема должна решаться общими усилиями и участием паразитологов и медицинских врачей, что обеспечит одновременное изучение возбудителя и переносчика, клиники и течения болезни и даст возможность осуществлять рациональную профилактику и проводить нужные лечебные мероприятия. Паразитологические исследования должны быть направлены, в основном, в сторону выяснения северных границ распространения малярийных комаров; изучения их экологии в связи с изменением гидрологического режима и устройством новых гидросооружений и крупных бассейнов с периодически изменяющимся уровнем.

Наравне с комарами, столь же важное место занимают слепни, пзобилующие во всей Карелии. Они вызывают ежегодное снижение удоя коров в лучший сезон года, понижают работоспособность человека и рабочего скота, являясь особенной помехой на лесоразработках. Они же переносят в Карелии туляремию, бич Карелии — инфекционную анемию лошадей, мизлоэнцефалит, микрофиляриозы и другие тяжелые заболевания. Изучение *Tabanidae* должно быть начато с фаунистических исследований, выяснения видового состава слепневой фауны, определения северных границ распространения отдельных видов и распределения слепней на территории Карелии. Эта часть исследований займет два года. Попутно должны производиться наблюдения по биологии и морфологические исследования личиночных стадий слепней. Далее намечаются экологические исследования с использованием полевых экологических наблюдений и лабораторного экспериментирования. Результаты четырехлетних исследований должны послужить теоретической базой в организации профилактики туляремии и мероприятий по борьбе со слепнями.

Изучение мошек и мокрецов найдет свое отражение в пятилетнем тематическом плане К-Ф филиала только в разделе фаунистических исследований. Планируется налаживание сборов материала в сезон их активности и в период личиночного развития. Исследования по биологии и экологии этих групп переносятся на следующую пятилетку.

Конечной целью развития перечисленных мероприятий является теоретическое обоснование разрабатываемой системы мероприятий, направленных на борьбу с гельминтозами человека, с babesиозом крупного рогатого скота, иксодовыми клещами, двукрылыми кровососущими и с патогенными паразитами рыб.

О методах и методике исследований

В наших исследованиях используются основные методы паразитологических и зоологических исследований: зоогеографический и экологический.

Зоогеографический анализ будет сводиться к выявлению состава паразитов и переносчиков специфичных и опасных для Карело-Финской республики инфекционных и паразитарных заболеваний, к изучению их распространения на территории изучаемого края, к определению северных границ распространения возбудителей болезней и их переносчиков.

По выявлению фауны иксодовых клещей с самого начала исследований будут производиться сборы клещей с домашних и диких животных, а также поиски их в норах, главным образом грызунов.

Маршрутные и стационарные исследования в 1950 и 1951 гг. сосредоточены на летний сезон, но в последующие годы мы будем стремиться к организации круглогодично функционирующих стационаров и к проведению зимних наблюдений путем маршрутных исследований. Только круглогодичные наблюдения обеспечат проведение детальных биологических исследований по всем стадиям онтогенеза и всех фаз биологического цикла. Круглогодичные и долгосрочные наблюдения в природе составляют основную суть углубленного изучения фауны, биологии и экологии паразитов и переносчиков заболеваний.

Экологические исследования должны дать материал к использованию факторов внешней среды для нарушения и изменения природных связей в биоценозах в сторону ослабления или полного уничтожения вредных звеньев в сложной цепи взаимосвязей между организмами, а также между организмами и внешней средой.

При изучении кровососущих переносчиков очень важно выяснение активности их нападения как по месяцам и сезонам года, так и в течение суток. Сезонная активность должна быть увязана с изучением условий размножения и развития. Растянутость жизненных циклов иксодовых клещей до 4—5 и более лет вызывает растянутость тематики, — темы являются многолетними.

При изучении всей паразитофауны целых групп или видов животных мы пользуемся методом члена-корреспондента АН СССР В. А. Догеля, полных паразитологических вскрытий, при изучении гельминтозов — методами гельминтологических исследований акад. К. И. Скрябина.

Особо следует остановиться на вопросе о необходимости развития комплексных тем, с привлечением и органической увязкой разных смежных дисциплин вокруг одной определенной паразитологической проблемы. Единовременное изучение сложных природных явлений с разных сторон способствует наиболее быстрому вскрытию закономерностей, управляющих данными процессами, с тем, чтобы эти процессы могли быть целенаправленно изменены. Классическим примером использования в паразитологических исследованиях комплексного метода являются исследования акад. Е. Н. Павловского. Нам нужно всячески стремиться учиться у него комплексированию в наших исследованиях. Комплексность нужна также в решении общетеоретических проблем, например в зоогеографии, в изучении паразито-хозяйинных взаимоотношений, в решении проблем специфичности,

иммунитета и др. В этом направлении паразитологи успешно комплексировались с ихтиологами, зоологами, орнитологами, медицинскими и ветеринарными специалистами.

Несомненную пользу в исследованиях оказывает простое кооперирование зоологов с паразитологами путем выделения в зоологические отряды паразитологов и, наоборот, в паразитологические отряды зоологов. Отстрелянные или пойманные зоологами животные осматриваются паразитологом на эктопаразитов и подвергаются паразитологическому вскрытию. Собираание паразитологического материала в зоологических экспедициях расширяет возможность выявления паразитофауны и позволяет делать значительные дополнительные сборы с использованием знаний и сведений зоологов по видовому составу хозяев и по анализу их местообитаний.

Это — программа максимум. По мере расширения штатных возможностей и создания необходимой научно-технической базы очередные проблемы и вопросы краевой паразитологии будут изучаться в определенной последовательности.

П. В. ЗЫКОВ

РЕДКИЕ РЫБЫ В ВОДОЕМАХ КАРЕЛИИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗООГЕОГРАФИИ

Летом 1947 и 1948 гг. в верхне-сунских озерах Петровского района К-ФССР мною были обнаружены две формы рыб: густера *Blicca bjoerkna* (L.) и помесь плотвы с лещом — *Rutilus rutilus* (L.) × *Abramis brama* (L.). Обе эти формы до сих пор для р. Суны не были отмечены. Кроме того, помесь плотвы с лещом в водоемах Карелии вообще не была известна.

Названные рыбы являются для Карелии весьма редкими и потому их нахождение представляет несомненный зоогеографический интерес.

1. Густера. — *Blicca bjoerkna* (Linne).

Местное название — парули, подлещик.

Признаки *D* III 8—9, *A* III 21—23(24) (26), *И*.

(45) 46 $\frac{(8) 9-10 (11)}{(5) 6-7}$ 50 (51) (52). Жаберных тычинок (14) 15—17 (19).

Глоточные зубы 2.5—5.2.

В процентах длины тела (до основания *C*): длина рыла 4—7,1, средняя 6,2; ширина лба 7—8,9, средняя 8,1; длина головы, 20—23,6; средняя 21,8; высота головы у затылка 15,9—23,8, средняя 19,6; наибольшая толщина тела 12,2—14,9, средняя 13,6; наибольшая высота тела 38,2—45,2, средняя 42,3; длина хвостового стебля 10—14,8, средняя 12,8; антедорсальное расстояние 53—66, в среднем 58,7; постдорсальное расстояние 33,2—38,7, в среднем 35,9; длина *D* 11,2—14, средняя 13,0; высота *D* 24,2—30,9, средняя 27,2; длина *P* 17,2—22,2, средняя 20,0; длина *V* 15,9—20,4, средняя 18,8; длина *A* 25—31, средняя 27,3; высота *A* 16—20,8, средняя 18,3; расстояние *P* — *V* 20,7—26,8, в среднем 23,8; расстояние *V* — *A* 21—25,6, в среднем 23,3; длина верхней лопасти *C* 25,3—30,3, средняя 28,0; длина нижней лопасти *C* 26,4—33,2, средняя 30,0; глазничный отдел головы 8,6—12,7, в среднем 10,0; диаметр глаза 5,1—7,9, в среднем 6,1.

Тело высокое, сплющенное, покрыто плотно сидящей серебристой чешуей. Грудные и брюшные плавники при основании красноватые, грудные плавники не доходят до брюшных, брюшные не доходят до анального. Брюшина светлая. Конец основания спинного плавника

впереди начала основания анального. Сзади брюшных плавников киль, не покрытый чешуей.

Длина тела (до конца чешуйного покрова) до 275 мм и вес до 740 г.

Распространение. По Суне обнаружена в озерах — Чудозере, Кудомгубском и Гимольском; несомненно, имеется в Поросозере и Ройк-Наволокомском. По опросным данным, встречается в бассейне р. Черанги, правобережном притоке р. Суны, наичаще попадает в Чудозере. Местными рыбаками принимается за неполовозрелого леща.

В бассейнах рек, впадающих в Гимольское озеро, не обнаружена.

Возраст и рост. В уловах густера встречалась в возрасте до 12 лет. Линейный темп роста, по данным обратного расчисления, дан в табл. 1 (расчисления произведены В. Ф. Титовой).

Таблица 1

Возраст (в годах)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Рост (в мм)										
Длина	34	61	86	110	133	154	172	189	198	208
Прирост	34	27	25	24	23	21	18	17	9	10

Отдельные возрастные группы в июне — июле 1948 г. имели следующий средний вес: семилетки 125 г, восьмилетки 184 г, десятилетки 304 г, одиннадцатилетки 354 г, двенадцатилетки 455 г.

Питание смешанное. Среди растительных организмов обнаружены водорослевые обрастания, веточки *Fontinalis*, кусочки тростника, рдестов и т. д.; из животных организмов преобладающими являются личинки тендипедид и ручейников.

Наполнение кишечника очень слабое, встречались экземпляры с пустым пищеварительным трактом.

Икрометание — после леща в июне. У одного экземпляра — самки, пойманной 3 июня 1949 г., икра имела IV стадию развития. Абсолютная плодовитость этого экземпляра была 28 300 икринок. Интересно заметить, что в среднем на 1 г икры приходится 1 132 икринки. П. А. Дрягин (1949) указывает, что такое количество их в одном грамме является характерным для рыб с порционным икрометанием.

Промыслового значения густера не имеет. Вообще, густера является для водоемов Карелии рыбой весьма редкой. До настоящего времени она была обнаружена только в 7 озерах Карелии: Ладожском, Онежском, Сямозере, Лакшярви, Оскозере, Кударярви, Водлозере (А. Ф. Смирнов, 1939; Б. С. Лукаш, 1939; С. В. Герд, 1949). Не была обнаружена густера к северу от бассейна верхней Суны — в водоемах беломорского бассейна и к западу — в бассейне р. Лендерки, связанной с северной частью Ладожского озера (С. В. Герд, 1949). Следовательно, озера р. Суны нужно считать северной границей современного распространения густера в водоемах Карелии.

Несмотря на крайне ограниченное количество озер, где густера была обнаружена, изучение ареала ее распространения представляет несомненный интерес, особенно в зоогеографическом отношении.

Как известно, одним из наиболее интересных вопросов зоогео-

графии Карелии является вопрос о путях расселения рыб. Общее освещение данной проблемы находит отражение в сравнительно большом количестве работ, в частности, Л. С. Берга (1916, 1932, 1947), О. А. Гримма (1877), К. М. Дерюгина (1928), А. А. Иностранцева (1882), К. Ф. Кесслера (1864, 1868), М. А. Мензбира (1923а, 1923б, 1934), В. В. Петрова (1947), И. Ф. Правдина (1947, 1949) и многих других. Однако пути заселения рыбами отдельных бассейнов Карелии представляются недостаточно ясными. Это особенно следует сказать о бассейне р. Суны, впадающей в Онежское озеро.

Дело в том, что на р. Суне расположено три мощных водопада — Гирвас, Пор-Порог и Кивач, о которых в 1868 г. писал еще К. Ф. Кеслер, что они являются для рыб непреодолимыми. Такое заявление является совершенно правильным, ибо мы и до настоящего времени не знаем случая, чтобы даже такой сильный пловец, как лосось, был бы обнаружен в р. Суне выше указанных водопадов, хотя ниже Кивача он и обитает. Поэтом заселение бассейна р. Суны рыбами могло произойти со стороны Онежского озера только в том случае, если указанных водопадов в период заселения не существовало.

И. Ф. Правдин (1949), касаясь обнаруженных мною в верхне-сунских озерах среднетычинковых („немноготычинковых“) сигов *Coregonus lavaretus olovensis*, указывает, что этой формой сигов изобилуют также северная часть Ладоги, озера Лендерской группы и водоемы Финляндии, относящиеся к бассейнам Финского и Ботнического заливов. В связи с этим И. Ф. Правдин высказывает предположение, что „со стороны Ладожского озера, т. е. из бассейна Финского залива, среднетычинковые сиги заселили р. Шую и по ней вошли в Онежское озеро, а со стороны Ботнического залива — р. Суну и ее систему, а также Онежское озеро“ (И. Ф. Правдин, 1949); этим же последним путем, т. е. из Ботнического залива, вышеуказанная форма сигов проникала, по мнению И. Ф. Правдина, и в озера Лендерской группы.

Высказанная точка зрения является очень интересной и заслуживает более подробного рассмотрения. Но, вместе с тем, при решении подобных вопросов следовало бы также подвергнуть рассмотрению и ареалы обитания не только рыб, широко распространенных, как сиги, но и рыб реликтовых или редко встречающихся, которые, как мне кажется, могут не в меньшей степени служить указателями путей расселения рыб; такой редко встречающейся в Карелии рыбой является густера.

Как мы видели, ближайшими к р. Суне озерами, где обитает густера, являются озера бассейна р. Шуи — Сямозеро, Лакшярви, Оскозеро, Кудаярви. В бассейнах к северу и западу от р. Суны густера отсутствует. Это наводит на мысль, не могла ли проникнуть густера в р. Суну со стороны шуйского бассейна. Предпосылкой для такого предположения является следующее.

В то отдаленное поздне- и послеледниковое время, когда происходило заселение Карелии рыбами, вся Карелия была покрыта мощной и значительно более развитой озерно-речной сетью, чем это мы наблюдаем в настоящее время. Это обуславливалось не только тем огромным запасом воды, которую оттаивал ледник при своем отступании, но и тем, что наблюдаемое и ныне поднятие Фенноскандии, связанное с эпейрогеническим движением земной коры, тогда находилось на более ранней стадии, и участки охваченные им имели более пониженные высотные отметки, чем это мы наблюдаем в наше время. След-

ствие этого километрическое падение местности было тогда, несомненно, меньше, чем сейчас, и, поэтому, вода широко растекалась по стране, образуя множество рукавов, связанных между собой в огромную озерно-речную сеть. М. А. Мензбир (1923) писал, что после отступления ледника осталась всхолмленная поверхность со множеством озер, связанных между собой и развившихся „в речные системы с широкими, хотя и неглубокими долинами, отдаленно наметившими современные речные системы“. Направление стока в этих системах определялось основными линиями простираения коренных пород, связанными с тектоникой древнейших геологических эпох, а также теми более мелкими формами рельефа, которые возникли в результате ледниковой и водно-ледниковой аккумуляции. В общих чертах направление стока соответствовало его современному направлению. По мере того, как запасы ледниковых талых вод сокращались, уровни в озерно-речных системах падали, отдельные участки их разъединялись, со временем мелели и, наконец, обращались в болота. Такова, повидимому, прошлая судьба всех тех болотных массивов, которые в огромном количестве расположены в бассейнах наших основных рек. Они являются как бы немymi свидетелями некогда существовавших больших, мощных озерно-речных систем.

Река Суна, повидимому, не была исключением. В свое время она, несомненно, тоже была более разветвленной и соединялась с районом, где лежит сейчас Онежское озеро, не только у Кондопожской губы, но, возможно, и в других местах. В частности, вероятно, в среднем течении она раздваивалась и имела второй сток в Онежское озеро через впадину, где сейчас проходит р. Черанга (впадающая в Суну), истоки которой весьма близко подходят к истокам р. Малой Суны, впадающей в Сямозеро (бассейн р. Шуи).

Вследствие этого здесь могла образоваться единая Сунско-Шуйская водная система, в период существования которой густера и могла проникнуть из шуйского бассейна в р. Суну. При этом надо полагать, что указанным путем могла воспользоваться не только густера, но и все другие рыбы, заселившие к этому времени шуйский бассейн. Вот почему, между прочим, видовой состав рыб рр. Суны и Шуи является очень сходным между собой, хотя в озерах последнего бассейна (озеро Сямозеро) обитают и такие рыбы, которые отсутствуют в озерах р. Суны, например, судак, синец, лосось, щиповка. Причин для такого различия в составе рыб, конечно, может быть много, но одной из них, в частности, в отношении судака и синца — этих типичных понто-каспийских пришельцев, могло служить появление их в Сямозерской ложбине в тот период, когда связь между шуйским и сунским бассейнами могла уже и не существовать, как не существует она и сейчас. Что же касается лосося, то, возможно, что в р. Суне он обитал и в её верховьях, но с прекращением у р. Суны связи с бассейном р. Шуи он должен был скатываться в Онежское озеро по основному сунскому руслу; возвращаться же в реку обратно, вследствие наличия больших водопадов, лосось возможности не имел. Поэтому ареал распространения лосося по р. Суне и ограничен в настоящее время только тем небольшим участком, который лежит от устья до Кивача.

Снимается ли при таком представлении о путях заселения рыбами р. Суны вопрос о возможном проникновении их непосредственно со стороны Онежского озера? Как уже отмечалось выше, при наличии на р. Суне водопадов, такое заселение произойти не могло. Однако

уровень того водоема, который в поздне- и послеледниковое время существовал на месте современного Онежского озера, был, как показывают исследования ряда авторов (Е. Н. Дьяконова-Савельева и Б. Ф. Земляков, 1923), выше современного, и если он достигал отметок, которые имеют водопады, то эти последние не могли служить препятствием для непосредственного проникновения рыб в р. Суну из Онежского озера, и, следовательно, формирование состава фауны р. Суны тогда могло происходить двумя путями. Но и в этом случае, с падением уровней и образованием водопадов эти последние должны были явиться препятствием для проникновения в Суну тех рыб, которые появились в бассейне Онежского озера в более позднее время, как это можно предполагать, например, относительно понто-каспийских пришельцев.

Из сказанного следует, что дальность проникновения южных форм рыб на север Карелии определялась в прошлом не только условиями климатическими, но, несомненно, и орографией района, служившей иногда естественным препятствием для дальнейшего их расселения.

В некоторых случаях эти последние условия и поныне являются более действенным препятствием для расселения рыб, чем климатические условия. Мы знаем, например, что судак в Финляндии расселился до 64-й параллели и даже до Полярного Круга (Л. С. Берг, 1949), тогда как в наших водах он ограничен, вследствие орографических условий, только бассейном р. Шуи и северной частью Онежского озера.

Поэтому из этого следует и второй вывод: нужно смелее продвигать ценные южные формы рыб, например, судака, сазана и др., в наши более северные водоемы, когда эти последние по своим гидрологическим условиям соответствуют потребностям названных рыб.

2. Помесь плотвы и леща. — *Rutilus rutilus* × *Abramis brama* (L.)

Местное название. Ошибочно называется „язем“. Один старый местный рыбак назвал эту рыбу „перекала“.

Признаки. D III 9—10, A III 15—17, L/L $46 \frac{9-11}{5-6}$ 53, чешуей по боку хвостового стебля 10—12. Глоточные зубы 6—5, 5—5, сжатые, срезанные, с бороздкой на середине среза, со слабым крючком. Жаберных тычинок 15—17 (23). В процентах длины тела (до основания C): длина рыла 5,4—6,7, средняя 6,0; ширина лба 7,8—8,9, в среднем 8,2; горизонтальный диаметр глаза 4,4—6,7, в среднем 5,5; заглазничный отдел головы 10,2—12,5, в среднем 11,2; длина головы 21,2—24,8, средняя 22,8; высота головы у затылка 16,2—19,6, в среднем 17,9; наибольшая толщина тела 11,4—15,4, в среднем 12,6; наибольшая высота тела 29,1—35,1, в среднем 31,3; длина хвостового стебля 14,1—19,8, средняя 16,8; антедорсальное расстояние 49,6—55,0, в среднем 52,9; постдорсальное расстояние 32,8—39,7, в среднем 36,0; длина D 13,5—14,9, в среднем 14,4; высота D 20,6—25,2, в среднем 21,9; длина P 17,2—19,7, средняя 18,7; длина V 15,1—18,1, средняя 16,7; длина A 16,3—23,6, средняя 18,2; высота A 13,8—17,8, средняя 15,7; расстояние $P—V$ 20,7—26,0, в среднем 23,2; расстояние $V—A$ 20,6—24,0,

в среднем 22,0; длина верхней лопасти *C* 21,4—27,1, в среднем 24,7, длина нижней лопасти 22,8—31,0, в среднем 26,9.

Тело сравнительно высокое (в среднем 31%), у взрослых покрыто плотно сидящей крупной серебристой чешуей с золотистым отливом, у молодых чешуя серебристая. Брюшина светлая, спина темная. Зрачок слегка вытянутый вперед, радужина светлооранжевая. Рот полулунный, полунижний, малый. Плавники грудные, брюшные и анальный — светлосерые, слегка оранжево-красные; спинной и хвостовой — темносерые. Грудные плавники не доходят до брюшных. Начало основания брюшных плавников впереди вертикали начала основания спинного плавника. Анальный плавник начинается позади вертикали конца спинного. Киль за брюшными плавниками не покрыт чешуей. От затылка к спинному плавнику тянется ясно заметный гребень, покрытый чешуей. Боковая линия изогнута к брюху. У взрослых голова покрыта бугорками (в конце июня и середине июля по наблюдениям 1947 г.). У самки, заловленной в конце июля 1948 г., половые продукты занимали всю длину тела с ясно различимыми икринками.

Длина тела (до конца чешуйного покрова) до 325 мм. и вес до 720 г.

Сравнительные заметки. У помеси, описанной Л. С. Бергом (1949), киль за брюшными плавниками резко выражен, но покрыт чешуей или иногда свободен от нее лишь в задней части на незначительном расстоянии. У помеси же из Гимольского озера киль за брюшными плавниками не покрыт чешуей.

Распространение. По Суне обнаружена в озерах — Кудомгубском, Гимольском и Ройк-Наволоцком. Можно предполагать, что имеется и в Чудозере. Встречается очень редко; за годы с 1946-го по 1949-й было заловлено только 8 экземпляров этой рыбы, из них 4 экземпляра были неполовозрелыми (из Ройк-Наволоцкого озера). В бассейнах рек, впадающих в Гимольское озеро, отсутствует. Местному населению эта рыба неизвестна.

Возраст и рост. Так как количество заловленных рыб было невелико (8 экз.), то о росте помеси можно составить только самое общее представление. Распределение рыб по отдельным возрастным группам, с указанием средних размеров и веса, таково:

Возраст (в годах)	Длина АД (в мм)	Вес (в г)	Примечание
1	34	—	По данным обратного расчисления
2	64	—	
3	91	—	
4	117	—	
4+	129	34	По непосредственным наблюдениям
9+	229	207	
12+	320	608	

В табл. 2 приводится сравнение этих данных с темпом роста исходных форм помеси — с плотвой и лещом Гимольского озера.

Таблица 2

Рыбы \ Возраста (в годах)	1	2	3	4	4 +	9 +	12 +
I. По длине АС (в мм):							
1) помесь	34	64	91	117	129	229	320
2) плотва	—	71	93	106	106	174	230
3) лещ	—	—	150	158	158	323	395
II. По весу (в г):							
1) помесь	—	—	—	—	34	207	608
2) плотва	—	—	—	—	21	98	200
3) лещ	—	—	—	—	87	753	1328

Как видно из этих данных, темп роста помеси в течение первых четырех лет жизни является сходным с плотвой, от леща же она в росте значительно отстает. В более старшем возрасте (9 + и 12 +) темп роста помеси резко возрастает как по длине, так и по весу, причем в возрасте 9 + помесь имеет вес в два раза больший, чем плотва, а в возрасте 12 + в три раза больший. В сравнении с лещом помесь в указанном возрасте растет медленнее.

О питании помеси мы имеем отрывочные сведения. Из двух кишечников, взятых от взрослых особей размерами 320 и 325 мм и весом 608 и 720 г, один оказался пустым, а другой был сравнительно хорошо наполнен остатками хвоща, тростника, личинками ручейников, тендипедид и других двукрылых.

Возраст, в котором происходит половое созревание помеси, неизвестен. Можно только сказать, что особи в возрасте 9 + и 12 + имели нормально развитые половые продукты, а особи в возрасте 4 + были все неполовозрелыми.

Таковы фактические данные, касающиеся помеси плотвы и леща в озерах р. Суны.

В связи с этим возникает вопрос, не может ли представлять рыбохозяйственный интерес заселение этой рыбой тех озер, которые по своим физико-химическим условиям являются непригодными для леща, но приемлемыми для плотвы. Как известно, плотва является рыбой с весьма широким диапазоном приспособительных способностей и обитает почти во всех озерах республики до дистрофных включительно, представляя как бы последнее звено среди рыб в последнем эволюционном ряду озер. Если бы на практике оказалось, что помесь может давать вполне жизнеспособное и стойкое потомство не только в водоемах олиготрофных, каким является Гимольское озеро, но и в дистрофных, количество которых исчисляется многими тысячами, то заселение ею этих последних могло бы иметь практический смысл. В этих целях следует более подробно изучить биологию этой рыбы применительно к условиям дистрофных озер.

ЛИТЕРАТУРА

- Берг Л. С. О распространении *Myoxcephalus quadricornis*. Изв. АН, 1916.
 Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР, ч. I, 1932.
 Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза 1947.

- Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран, ч. 2. 1949.
- Герд С. В. Некоторые зоогеографические проблемы изучения рыб Карелии. Тр. Первой научной сессии К-Ф университета 12—15 мая 1947 г., 1949.
- Гримм О. А. К познанию фауны Балтийского моря и истории ее возникновения. Тр. СПб. общ. естествоисп., VIII, 1877.
- Дерюгин К. М. Фауна Белого моря и условия ее существования, 1928.
- Дрягин П. А. Половые циклы и нерест рыб. Изв. ВНИОРХ, XXVIII, 1949.
- Дьяконова-Савельева Е. Н. и Б. Ф. Земляков. Исследования по четвертичной геологии на северном берегу Онежского озера. Изв. ГГИ, 21, 1928.
- Иностранцев А. А. Донисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. 1882.
- Кесслер К. Ф. Рыбы С.-Петербургской губ. 1864.
- Кесслер К. Ф. Материалы для познания Онежского озера и Обонежского края, преимущественно в зоологическом отношении. 1868.
- Лукаш Б. С. Рекогносцировочное рыбохозяйственное исследование Водлозер. Рыбн. хоз. Карелии, 5, 1939.
- Мензбир М. А. Великий ледниковый период Европы. 1923а.
- Мензбир М. А. Великое оледенение. 1923б.
- Мензбир М. А. Очерк истории фауны Европейской части СССР. 1934.
- Петров В. В. Факторы формирования ихтиофауны Псковско-Чудского водоема. Изв. ВНИОРХ, XXVI, вып. 1, 1947.
- Правдин И. Ф. Морфобиологическая классификация и генезис сигов Ладожского озера. Изв. К-Ф. базы АН СССР, 1—2, 1947.
- Правдин И. Ф. Морфобиологическая классификация и генезис сигов Онежского озера и его бассейна. Изв. К-Ф. базы АН СССР, 1, 1949.
- Смирнов А. Ф. Рыболовство на Сямозере. Тр. Карельского пед. инст., 1, 1939.

А. В. БЕЛОВАНОВА

ЛЕНИН И СТАЛИН В ТВОРЧЕСТВЕ СКАЗИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

Карелия — родина прекрасных эпических песен, составивших героический эпос карельского народа „Калевалу“, которая является бессмертным творением трудового народа. Одновременно в Карелии сохранился до последнего времени ценнейший былинный эпос. Карельские и русские сказители в самых разнообразных формах фольклора воплотили силу и мудрость народа, доказали его большие творческие возможности.

Народное поэтическое наследие прошлого имеет для нас большое значение. По выражению В. И. Ленина, в фольклоре, устном народном творчестве воплотились „чаяния и ожидания народные“, в нем во всей полноте раскрывается жизнь трудового народа.

Народ всегда мечтал о лучшей и радостной жизни, но только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла подлинное счастье, раскрыла все возможности для всестороннего развития человека.

Неузнаваемо изменился за годы советской власти облик и нашей республики. Из отсталой в экономическом отношении, из безграмотной Олонии она превратилась в социалистическую республику сплошной грамотности. Вместе с другими народами нашего государства она прошла трудный, но славный путь.

С победой Великой Октябрьской революции народное творчество Карело-Финской ССР, как и творчество других народов Советского Союза, получило невиданные возможности для своего развития. Коренным образом изменился характер народного творчества: оно наполнилось новым содержанием, изменились старые формы фольклора, появились новые.

Советский фольклор тем и отличается, что вместо воображаемых героев народное творчество говорит о реальных героях, наших современниках, о творцах своей жизни:

„Вожди, полководцы, рожденные народом, вчерашние батраки, ткачи, шахтеры, слесари, ставшие знаменитыми воинами отважных полков и армий. И над ними всеми, как отцы, как мудрые учителя, как бесстрашные вожди, — Ленин и Сталин.

„Какой изумительный материал для народного творчества, для талантливой рассказчика!“¹.

Если в рунах „Калевалы“ в образе Сампо, чудесной мельницы-самоделки, источнике человеческого счастья, мы находим лишь воплощение многовековой мечты, то в наши дни сказители республики сложили немало песен и сказок, былин и сказов о найденном счастье, обретенном Сампо — о нашей советской действительности.

В письме к М. И. Калининну колхозники-карелы села Мендусельга Медвежьегорского района писали:

„В каждую семью, в каждый дом вошло добытое в Октябрьских боях всенародное счастье. И вместо прежних, старых песен, пришли в деревню песни о новой жизни, о прекрасном счастье, о любви к Родине; сплетаются новые песни из душевных, проникнутых любовью слов, посвященные тем великим людям, которые привели нас к прекрасному настоящему, — славным большевикам партии Ленина—Сталина“².

Права на труд, на образование, на отдых, материальной обеспеченности карельский народ добился благодаря руководству партии большевиков и ее великих вождей — Ленина и Сталина. Поэтому лучшие песни, сказы, былины карельских сказителей — это песни, сказы и былины о Ленине и Сталине. Оба образа в народном творчестве, как и в народном сознании, неразрывны; дело Ленина и дело Сталина — единое дело, Ленин и Сталин — вожди народа, борцы за его счастье.

В народном творчестве Карело-Финской ССР отразились все этапы того славного пути, который прошла республика в ряду равноправных народов Советского Союза под руководством Ленина и Сталина.

Используя богатейшее наследие прошлого, во многом его дополняя и часто коренным образом изменяя, сказители Карелии сложили былины, песни, сказы о Ленине и Сталине, в которых рассказывали о борьбе народа за свержение самодержавия, о годах гражданской войны и сталинских пятилеток, о принятии основного закона СССР — Сталинской Конституции, преобразовании Автономной Карельской республики в Социалистическую Союзную республику, о Великой Отечественной войне против немецких захватчиков и, наконец, о периоде послевоенного восстановления и принятия послевоенной сталинской пятилетки, борьбе за ее досрочное выполнение.

В советском фольклоре Карело-Финской ССР центральными образами являются образы Ленина и Сталина. О чем бы ни пели карельские сказители, они неизменно обращаются к тем, чьи имена стали символами народного счастья, народной мощи и славы. И это вполне понятно: все, чего достиг советский народ, неразрывно связано с именами Ленина и Сталина.

Старый рабочий Онежского завода сказитель Ф. П. Господарев, используя известный сказочный сюжет о поисках правды, но по-новому его осмысливая, сложил новую сказку о том, как долгие годы крестьянин и рабочий странствовали по свету в поисках правды. Но не могли ее найти ни у фабриканта, ни у помещика, ни у самого царя. Настоящую правду открывает им Ленин:

„Правда в наших руках. Только сами себя не жалеете, тогда и выйдет наша правда...“

¹ Предисловие к сборнику „Творчество народов СССР“ (Изд. ред. „Правда“, 1937, стр. VII).

² „Красная Карелия“, 28 июня 1938 г., № 149.

„С тех пор и пошла ленинская правда. И уж который год идет она и мы должны за правду держаться всегда — и не погибнем никогда“.

Гражданская война, освобождение Карелии от иностранных захватчиков, героика народной борьбы за молодое советское отечество вызвали к жизни новый героический эпос. В начальный период развития советского фольклора появились былины на советскую тематику. Но сказители не сразу нашли те поэтические формы, в которых бы могли выразить новое содержание. Поэтому естественно, что они обращаются к старым жанрам фольклора — былине, лирической песне; плачу.

Основная идея старого эпоса — борьба с внешним врагом, защита Родины — оказалась исключительно близкой героике событий гражданской войны.

В центре этих событий — Ленин и Сталин; они — великие полководцы и организаторы народной борьбы.

Сказитель-орденоносец, потомок знаменитого рода заонежских сказителей былин Рябининых, П. И. Рябинин-Андреев сложил былины на темы гражданской войны. В основе одной из них („Былине о Ленине и Сталине“) — героическая оборона Царицына, вдохновителем которой был товарищ Сталин. Сила вождя в том, что народ идет за ним. Образ растущей за Сталиным народной силы выражает основную идею былины:

Тут поехал Сталин по чисту полю,
А куда он ехал на добром коне,
А по тем ли городам да с пригородками,
А за ним народ да как трава растет,
Каждый день полки все пополняются.

В Сталине воплотилась непреклонная воля к победе; сталинская сила — это сила народа:

Говорит им Сталин таковы слова:
„Не вернемся до тех пор мы из чиста поля,
Не очистим мы пока да землю русскую,
Землю русскую от неприятеля“.

Былины П. И. Рябинина-Андреева часто перегружены заимствованиями из старой героической былины, в ряде случаев традиционные формулы и общие места используются сказителем механически, без органической связи с новым содержанием. Но, несмотря на кажущуюся зависимость от старого эпоса, эти героические произведения представляют собой качественно новое поэтическое явление. Новые былины и эпические песни карельских сказителей отличаются историчностью, они наполнены фактическим материалом. Но это новое содержание выражено еще в слишком канонической форме. В этом состоит главный недостаток былин-„нови“, представляющих уже пройденный этап советского фольклора.

Одна из замечательных страниц истории гражданской войны в Карелии — героическая борьба за Видлицы — отражена в эпических песнях карельских сказителей. В них главное внимание уделяется описанию той помощи, которую оказал товарищ Сталин карельскому народу:

Дорогой же вождь наш Сталин
Крепко помогал карелам:
Он матросов к нам, героев
Посылал на миноносцах..

Так родной наш Сталин выгнал
Из Карелии бандитов.
И послал народ карельский
Сталину привет горячий, —

говорит в своей песне сказительница Е. Гаврилова из села Видлицы Олонечского района, бывшая сама свидетельницей разгрома белофиннов под Видлидами.

Товарищ Сталин внимательно следил за борьбой карельского народа, и это внимание вдохновляло бойцов на новые подвиги. После разгрома белофиннов под Видлидами товарищ Сталин послал отважным бойцам телеграмму:

„Горячо приветствуем самоотверженную команду героев-красноармейцев и славных моряков, разгромивших врагов России у Видлиц. Уверены, что рабоче-крестьянская Россия оценит ваш доблестный подвиг. Мы ждем от вас также побед и на Петрозаводском участке“¹.

После окончания боев за независимость молодого советского государства советский народ пережил тяжелую утрату. Преждевременная смерть горячо любимого вождя — В. И. Ленина — вызвала глубокую скорбь всех советских народов.

Женщины Карелии создали многочисленные плачи-сказы о смерти Ленина, в которых рассказали о замечательной жизни великого человека, о его беззаветном служении народу, о его простоте и, вместе с тем, величии. В плачах-сказах о Ленине, так же как и в новых былинах, сказительницы используют поэтические средства старой причеты, но современные плачи-сказы отражают новую жизнь, новые общественные отношения. Вместо безысходного личного горя, обычно содержащегося в старых причитаниях, в новых сказах-плачах о Ленине, о погибших героях советского народа мы находим выражение всенародной скорби. Часто сказительницы отходят от поэтического канона старой причеты, так как он оказывается слишком узким и бедным для раскрытия новой темы. Создается новый жанр — сказ, в котором традиционные образы становятся второстепенными.

Большинство плачей-сказов о Ленине строится на противопоставлении прежней жизни с тем, что дал народу Ленин. Плачи-сказы о Ленине — это своеобразный рассказ о раскрепощении женщины, о новой жизни, которая стала возможной благодаря Ленину. Сказительница-карелка из села Ухта района Калевалы М. И. Михеева рассказывает:

Буду я, как горе пережившая,
Вспоминать про время прошлое,
Что прожили-то в муках-горестях,
Как не видели дня счастливого,
Дня счастливого, дня веселого.
Годы юности, дни прекрасные,
Жили темными мы, несчастные.
И как ныне вот, в годы старости,

¹ Цитируется по кн. „Народное творчество Карело-Финской ССР“, Петрозаводск, 1940, стр. XIV.

Я увидела счастье народное.
 Ты нам счастье дал, счастье вечное.
 Из-под ига нас, Ленин, ты привел.

Плачи-сказы о Ленине, отражая искреннюю и глубокую всенародную скорбь, вместе с тем глубоко оптимистичны, лишены чувства безысходности и отчаяния: Ленин умер, но дело его живет:

Не умер Ленин, дорогой наш вождь,
 Что живет в делах былых и нынешних...
 По Советскому Союзу слава Ленина, —
 Что живет в счастливой жизни сталинской

говорит сказительница-карелка А. Ф. Никифорова в „Сказе о Ленине“.

В народном творчестве образы Ленина и Сталина неразрывны. Сталин — ученик Ленина, продолжатель его дела. Клятва, данная товарищем Сталиным у гроба Ленина, глубоко взволновала народ, нашла отражение в народном творчестве. Во многих плачах-сказах сказительницы как бы спрашивали себя: „Как жить без Ленина?“, и тут же дают ответ:

Расскажу я вам, сестрицы милые,
 А вы идите в город Сталина,
 Передал Ильич да он Иосифу,
 Он Иосифу да свои знания,
 Свои знания да людям честным,
 Людям честным, людям хорошим.

(М. Ф. Павкова, Пудожский р-н).

Сказительница Мелькина в сказе „Раньше дни-то были длинные, длинные“ удачно выразила мысль о заветах, которые оставил Ленин:

Он товарищу-то Сталину прощаясь,
 Говорил заветные словечки:
 Чтоб народ всегда оберегали,
 Чтоб народ заботливо растили,
 Чтоб заботливо растили да учили,
 Чтоб в селе культура поднималась,
 Чтоб деревня наша развивалась.
 Уж как Сталин Ленина послушал,
 Все советы и слова его запомнил,
 Он запомнил их и все исполнил.

Сталин, согласно произведениям карельских сказителей — друг и брат Ленина. Так же как и Ленин, он — друг бедняков, друг трудящихся, их освободитель. Жизнь товарища Сталина посвящена народу, борьбе за его счастье. Поэтому песни, сказы, былины о Сталине — это одновременно песни, сказы, былины о себе, о своей жизни, об освобождении от нищеты и угнетения.

Сказители Карелии сложили песни и сказы о преображенной Родине, о социалистической Карелии, о радостной жизни. Все то, чего достиг карельский народ за годы советской власти, неразрывно связывается с именем товарища Сталина. Поэтому, прежде всего, народные думы обращаются к нему. Эту мысль удачно выразила в своем сказе о выборах в Верховный Совет Карело-Финской ССР народная сказительница А. М. Пашкова:

И как реки текут в океан-морюшко,

И как птицы летят в страны теплые,
 Так и думы, думушки народные
 Мчатся соколом в Москву-матушку,
 Где живет наш Сталин — красно-солнышко.

К товарищу Сталину обращаются сказители Карелии, рассказывая, как изменился их родной край:

Все теперь пошло да не по-старому,
 А за то спасибо, честь и слава Сталину.
 Что подал нам руку с Москвы камешной,
 Научил нас жить да по-н-вому.
 Как расскажем мы товарищу да Сталину,
 Про свою ли жизнь, да жизнь красивую
 В наших песнях, сказах и сказаниях.
 Мы прославим жизнь да жизнь счастливую,
 Пусть читают наши внуки-правнуки,
 Пусть читают люди грамотны,
 Да вспомнят нас, своих былинников.

Многие песни и сказы посвящены колхозному строительству, описанию тех изменений, которые произошли за годы советской власти в карельской деревне. Каждая новая победа связывается с именем Сталина. Он указал путь, по которому идет колхозное крестьянство. В высоко поэтической форме, сравнивая Сталина с солнцем, ясным соколом, обращается к нему сказительница Никифорова:

Светоч солнца, ясный сокол
 Радость приносил народу,
 Вождь великий, ясный сокол,
 Нас на верный путь направил.

Сказительница М. И. Михеева из района Калевалы в песне о Сталине говорит:

Он созвал народ на сходку,
 Произнес тм речь большую,
 Высказал такие мысли,
 Что довольны стали люди.
 Он слова такие молвил:
 „Стройте-ка дома большие,
 Создавайте вы колхозы“.

Во всех песнях и сказах, раскрывающих во всей полноте конкретные изменения, происшедшие в деревне, сказители говорят о великой заботе товарища Сталина о народе, об улучшении условий его жизни. Строительство новых дорог, лесозаводов, электростанций, школ, клубов вызывает у сказителя чувство гордости за свою Родину, чувство глубокой благодарности ее вождю.

Развернутую картину достижений советского народа за годы социалистического строительства дает талантливая сказительница А. М. Пашкова.

Теперь жирушка свободная,
 Везде дороженька ла широкая,
 А по той ли по дороженьке
 Да нас ведет большевистская партия
 И великий вождь, наш отец родной
 Иосиф да Виссарионович.

А теперь у нас все по-новому:
Везде построены дороженьки прямехоньки.

Выросли заводы да фабрики,
Выросли города с пригородками,
А и села ли со приселками.
У родного товарища Сталина
Как от морюшка ли от Белого
До того ли озера Онежского
Протекает тут реченька широкая
Под названием канала Беломорского.

Далеким прошлым стало время, когда крестьянские избы в Карелии освещались лучиной:

И на наши хаты пролетарские
С неба звездочки спустился —
Электричеством избы осветились.

Товарищ Сталин — творец Конституции, подлинно демократической конституции, закрепившей достижения советского народа, обеспечившей дальнейшее развитие его Родины. Сам человек изменился в нашей стране: „И как выросли мы, как возвысились мы!“, — гордо восклицает сказительница Хотеева в сказе „Про новую Конституцию“.

Сталинская Конституция дает равные права всем народам многонационального советского государства:

В дружной, братской семье все народы живут;
Белокожий ли ты, чернокожий ли ты,
Русский, финн иль карел — все равно,
Равное всем Конституцией Сталина право дано!

Сталин — мудрый вожьд и учитель. К нему обращаются советские люди со всеми волнующими их вопросами. Мудрым и вместе с тем простым изображается товарищ Сталин в известной сказке Ф. А. Конашкова „Самое дорогое“:

„Карельские колхозники — Федор-старик, Алексей да Марья-колхозница в поисках ответа на вопрос: „Что есть на белом свете самое лучшее и самое дорогое“, дошли до товарища Сталина:

„Тут отворяют двери и встречает их сам товарищ Сталин. Провел их Сталин к себе в комнату и стал их обо всем спрашивать, а они — обо всем рассказывать.

„И стали они у Сталина мудрые вопросы спрашивать, а первый вопрос о том, как им жить лучше да богаче. Сказал им обо всем Сталин.

„Тут Марья и говорит: „Что же есть самое дорогое и самое хорошее? Это жизнь наша. Да никогда она не была бы такой, коли бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить, а потому самое мудрое и самое дорогое — это слова товарища Сталина, которые он нам сказал“.

„Распростились они с товарищем Сталиным, провел их он до самой стены и вышли они в Москву“.

В качестве сюжетной схемы в этой сказке Конашков использовал традиционный мотив поисков правды, так же как и сказитель Ф. П. Господарев в сказке „Как рабочий и мужик правду искали“. Но в этих новых сказках фантастическое отступает на второй план,

вымысел приближается к реальному рассказу, новые сказки карельских сказителей — выражение осуществленной мечты.

Плодотворный труд и счастливая жизнь советских людей были прерваны вероломным нападением на нашу страну фашистских захватчиков.

В годы Великой Отечественной войны народная поэзия обогатилась новым содержанием: советский народ в самые напряженные годы борьбы с фашистскими захватчиками слагал поэтическую летопись, главным героем которой у всех народов Советского Союза является любимый вождь и полководец — товарищ Сталин.

В сказах и былинах об Отечественной войне рассказывается о героической борьбе советского народа против немецких полчищ. По зову великого вождя советские богатыри поднимаются на защиту своего отечества. В центре многих сказов и былин — обращение товарища Сталина к народу, произнесенное в первые дни войны.

М. К. Рябинин начинает „Былину о богатырях Отечественной войны“ рассказом о вероломном нападении врага. Но вот раздался спокойный, уверенный голос Сталина:

Говорил товарищ Сталин обращение,
Призывал он на борьбу да трудовой народ.
Как услышали народы призыв Сталина,
Дорогого-то вождя да и учителя,
Миллионы тут людей да поднимались,
Добровольно в ополчение записались.

Уверенные в победе, советские воины дают клятву своему вождю:

Они клятву-то давали да ведь Сталину,
Обещание давали своей Родине:
Что мы будем защищать свою свободушку,
Будем биться, не щадя своих головушек.
А не может быть того, чтоб трудовой народ
Сдался в варварские руки неприятеля.

Имя товарища Сталина вдохновляло народ на героические подвиги, сталинская вера в победу вселяла уверенность в сердца бойцов.

Событиям Великой Отечественной войны посвящены сказы карельских сказителей: Евдокия Алексеевна Кокунова из Пудожского района в сказе „Как провожали своих соколов“ рассказывает о том, как советские матери, провожая своих сыновей на ратные подвиги, давали материнский наказ сражаться:

За родну да за сторонушку,
Что за правду, за Отечество.
За своих да детей малых.

За родного отца Сталина,
И за Родину любимую.

Мать, оплакивая смерть сына, павшего от руки неприятеля, уверена в том, что Советская Армия отомстит за ее горе. Она обращает

ется в своей материнской печали к товарищу Сталину, как самому близкому, родному человеку:

Что у нас в стране советской
Есть печальщики народные,
Есть-то Красная да Армия,
Да родной есть ведь батюшка
Иосиф свет Виссарионович —
Наши верны корабельщики,
Наши верные кормильщики,
Отомсят злодею Гитлеру,
За меня старуху старую,
За рожено мое дитяtko.

По окончании войны карельский народ энергично начал восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Принимается послевоенная сталинская пятилетка. Сталинский пятилетний план воспевается сказительницей Ф. И. Быковой:

А сейчас советский народ, крепко спаянный,
Дружбой нерушимую да прочною,
Дал вождю премудрому, великому
Слово свое крепкое да верное:
Вновь остроить страну разоренную.

Во многих песнях и сказах находим выражение заветной мечты карельского народа — пригласить товарища Сталина к себе в гости, показать ему результаты своего труда. Сказительница П. И. Иванова из Ведлозерского района обращается к товарищу Сталину:

Сталин, наш отец родной,
Приезжай смотреть к нам в гости,
Как живут колхозы наши,
Как проходит сплав на реках,
Как работаем мы дружно.

Рядом с мечтой — пригласить товарища Сталина в гости, во многих сказах и песнях выражается желание побывать в Москве, городе Сталина, повидать вождя. Сказительница Хотеева в „Песне о Сталине“ признается:

Как была бы счастлива,
Если бы попала я
Вдруг в Москву. Увидела б
Мавзоль и Ленина!
Ну, а если б встретила
Самого любимого,
Таяли б слова той песни,
Что я пела б Сталину!
Молодость вернулась бы,
Я о жизни нынешней
Много песен спела бы!

В вепсской песне о Сталине, исполнявшейся с 1940 г. Шелтозерским хором колхозников под руководством В. И. Кононова и получившей затем большую известность, очень просто, но вместе с тем точно выражена мысль о том, что Сталин — в каждом деле, в каждом новом трудовом подвиге:

Только солнышко яркое встанет,

Будет ветер играть веселей,
В поле чувствуем все тебя, Сталин,
Видим в каждой работе своей.
Ты по-новому жить научил нас,
К светлой жизни дорогу нашел,
Как деревня лицом изменилась,
Понастроили клубов и школ!

Чувство глубокой благодарности карельского народа великому Сталину проходит красной нитью через все творчество сказителей наших дней. В нем выражена безграничная любовь к товарищу Сталину, патриотизм советских людей, преданность советской Родине. В песне „О, великая Отчизна!“ сказительница М. И. Михеева выразила от лица всего карельского народа благодарность и приветствие вождю.

От потомков всех Калевы
Благодарность мы приносим
Брату, русскому народу;
Шлем приветствие от сердца,
Сталину, отцу родному!

К. В. ЧИСТОВ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СЕГЕЖИ

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин писал: „Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средство насилия, в средство эксплуатации“¹.

Указание великого Ленина претворено в жизнь. Незузнаваемо изменился облик народов нашей страны за годы советской власти. Под руководством партии большевиков и ее гениального вождя И. В. Сталина советский народ создал развивающуюся с каждым днем, самую передовую в мире многонациональную советскую социалистическую культуру. Впервые в мировой истории культура стала поистине всенародным достоянием. Советский трудовой народ выдвинул тысячи талантливых деятелей во всех областях культуры, науки, литературы и искусства.

Советская литература и советское народное творчество — органическая часть социалистической культуры советского народа, могучее средство воспитания советского народа в духе коммунизма. Партия и Советское правительство неустанно заботятся о повышении идейно-политического и художественного уровня советской литературы и советского народного творчества.

Перед нашими литературоведами и фольклористами стоит задача всестороннего изучения литературной культуры советского народа, задача разработки ее истории и теории, задача активного воздействия на процесс ее дальнейшего развития. Для осуществления этих задач необходимо преодоление вредных, пережиточных представлений, еще бытующих подчас на страницах как литературоведческих, так и фольклористических работ. Советская фольклористика — наука, изучающая самодеятельное поэтическое творчество советского народа, — должна вырабатывать новые методы его собирания и изучения.

Основным пороком методики собирания и изучения советского фольклора, которой придерживалось до последнего времени большин-

¹ Соч., т. XXVI, стр. 436.

ство фольклористических организаций, было изолированное изучение фольклорных явлений, изучение их вне связи с другими явлениями, в своей совокупности составляющими художественную культуру советского народа. Толкование понятия „советский фольклор“, как исключительно устного творчества, заставляло отворачиваться от всех других форм творчества, будто бы „не подлежащих изучению“ фольклориста. Здесь несомненно сказывалось совершенно недопустимое механическое перенесение устаревших представлений о роли, значении и социальной природе устного творчества и его взаимоотношениях с „письменной“, „книжной“ литературой в условия социалистического города и советского колхозного села. Если до Великой Октябрьской социалистической революции устное творчество было, в основном, единственной формой творчества широких масс русского трудового народа, особенно крестьянства, то в наши дни, после великой культурной революции, совершенно изменившей облик городов и сел, устное творчество является лишь одной из форм богатой и многообразной художественной культуры советского народа, наряду с книгой, журналом, газетой, кино, театром, радио, различными видами художественной самодеятельности и т. д. Все эти формы социалистической культуры нашего народа находятся в органическом взаимодействии, постоянно переплетаются и дополняют друг друга. Поэтому изучать одну из них в отрыве от всех остальных, вне их взаимодействия, было бы принципиально неверно. Такое изучение не сможет принести ничего, кроме ошибок. Сама жизнь ставит перед фольклористами новую и благодарнейшую задачу — от ограниченного и замкнутого в самом себе, исключительного изучения устного творчества перейти к изучению всей литературно-художественной культуры советского народа во всем богатстве ее форм и видов.

Невиданно благоприятные условия развития народных талантов, всемерная поддержка народной художественной самодеятельности со стороны партийных и советских организаций — создали исключительное многообразие путей возникновения и бытования поэтических произведений. Можно назвать десятки видов советского литературно-художественного творчества: оно может протекать письменно и устно, осуществляться писателем-профессионалом и членом самодеятельного литературного кружка, возникать как произведение индивидуальное или коллективное (ср., например, песни или частушки, коллективно сложенные хорами), создаваться для напечатания в книге, журнале или газете (или в стенной газете) либо для произнесения по радио, воспроизведения в кино, исполнения с подмостков дома культуры, избы-читальни, клуба, парка культуры и отдыха, для записи на патефонную пластинку, исполнения на молодежной вечеринке, во время массового гулянья и т. д.

В соответствии с таким пониманием задач советской фольклористики и была построена вся работа экспедиционных отрядов отдела литературы Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии наук СССР летом 1949 г. В качестве одного из объектов изучения был избран город Сегежа. Выбор этот не был случайным. Сегежа — молодой социалистический город, крупнейший в республике центр целлюлозно-бумажной промышленности. История его возникновения показательна и типична.

Сегежа расположена на трассе Беломорско-Балтийского канала им. И. В. Сталина, на берегу одного из крупнейших озер К-ФССР —

Выгозера. В дореволюционной Карелии Выгозерье было одним из наиболее глухих районов. Одинокие деревушки, разбросанные по многочисленным островам или затерянные в прибрежных лесах, из века в век жили однообразной и суровой жизнью. Дикость и бескультурье царили здесь безраздельно. На всей территории нынешнего Сегежского района в 1916 г. было пять церковно-приходских трехклассных школ, в которых обучалось немногим больше сотни учеников. Редкие деревенские грамотеи были в большинстве своем старообрядческими начетчиками, не читавшими ничего, кроме старописных церковных книг. Население почти не знало медицинской помощи. На весь район было два фельдшера, и лишь один раз в год — летом, когда подсыхали топкие дороги, деревни объезжал уездный врач из Повенца. Губернские власти совершенно не заботились о нуждах темного и забытого населения. О Выгозерье вспоминали тогда, когда приходило время выколачивать подати. Постоянный рост недоимок, малоземелье и частые неурожаи, скудость сельскохозяйственного и рыболовецкого инвентаря, постоянные преследования официальной церковью за принадлежность к расколу, за упорное желание креститься двумя перстами, а не тремя, все это из года в год, с одной стороны, разоряло выгозерского крестьянина, загоняло его в кабалу к местным кулакам и торгашам, а с другой — заставляло бросать насиженные места, за гроши заниматься рубить лес к богатым-лесопромышленникам, либо покидать пределы губернии. Прокладка Мурманской железной дороги перед Октябрьской революцией мало изменила облик края. Условия работы на строительстве дороги были чрезвычайно тяжелыми, заработная плата крайне низкая. Так дожило Выгозерье до Великой Октябрьской социалистической революции.

Победа социалистической революции в Карелии была началом новой эры в жизни этого забытого края, который в прошлом был известен как один из центров староверческого мракобесия, как край, о котором писателем М. Пришвиным была написана книга с выразительным названием „Край непуганных птиц“.

Особенно быстро стало развиваться Выгозерье с середины 30-х годов. Выгозеро стало одним из основных водохранилищ Беломорско-Балтийского канала им. И. В. Сталина. В процессе строительства канала меняли свой облик и берега Выгозера. Маленький полустанок Сегежа, на котором еще в 1934 г. жило всего 180—200 человек, оказался в исключительно благоприятном положении: линия канала подходила здесь совсем близко к Мурманской железной дороге. В августе 1936 г. на территории будущего города появились первые строители, началось рытье котлована. По личному указанию товарища Сталина был основан новый город — Сегежа, который должен был стать важнейшим центром целлюлозно-бумажной промышленности.

Рост социалистических городов — одно из наиболее замечательных завоеваний социалистического строительства в республике. Достаточно вспомнить, что с начала XVIII в. на карте бывшей Олонецкой губернии из десятилетия в десятилетие значились все те же четыре города — Петрозаводск, Пудож, Олонец и Повенец, причем первый из них к 1917 г. потерял свое бывшее промышленное значение и превратился в губернский административный центр, а остальные никогда никакой промышленности и не имели.

В годы сталинских пятилеток началось строительство крупнейшего в Европе целлюлозно-бумажного комбината. Волей большевиков

была доказана правота слов замечательного трибуна революции С. М. Кирова: „Неверно, товарищи, что наш край какой-то особо бедный, озерный, болотный. Нет такой земли, которая в умелых руках при советской власти не могла бы быть повернута на благо человечества“.

25 февраля 1938 г. комбинат дал стране первую целлюлозу. Вместе с комбинатом рос и город. К 1940 г. было построено уже 40 тыс. кв. м жилой площади. К началу войны Сегежа заняла свое место среди других новых карельских городов — детищ сталинских пятилеток — Кондопоги, Медвежьегорска, Беломорска и др.

26 декабря 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета К-ФССР рабочий поселок Сегежа был официально переименован в „город Сегежу“.

Предательское нападение немецко-финских захватчиков в 1941 г. приостановило на время дальнейший экономический и культурный рост Сегежи.

Тысячи сегежцев стали воинами Советской Армии, бойцами партизанских и истребительных отрядов. Сегежа превратилась в прифронтовой город. Сегежцы — воины и работники тыла — покрыли себя неувядаемой славой.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны трудящиеся города повели борьбу за восстановление довоенной производственной мощности комбината и других предприятий города и добились в этой борьбе замечательных успехов. В 1946 г. был не только достигнут, но и перекрыт на 30 процентов довоенный выпуск промышленной продукции комбината. Начался второй период бурного расцвета города. Восстанавливаются старые и один за другим строятся новые дома. С каждым годом растет население города; к концу 1950 г. оно увеличится в два раза по сравнению с 1941 г.

В 1948 г. город и комбинат с гордостью праздновали свое десятилетие. В юбилейные дни Правительство СССР отметило заслуги строителей и работников комбината орденом Ленина.

Юбилейный год принес новый успех: в числе нескольких десятков других карело-финских предприятий целлюлозно-бумажный комбинат отказался от правительственной дотации и получил сверхплановую прибыль.

Десятимесячную программу 1949 г. комбинат выполнил с превышением. С успехом завершилось соревнование в честь XXXII годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В цехе бумажной тары швеи Малынова, Иванова, Коровякова и Бурцыклы в течение нескольких месяцев перекрывали нормы выработки на 150—180 процентов. Одна только Малынова дала Ролине миллион бумажных мешков сверх плана. Коммунист сеточник Богатырев выдал сверх плана более 500 т. мешочной бумаги. Высокого звания „Бригада отличного качества целлюлозно-бумажной промышленности СССР“ удостоено 13 бригад Сегежского комбината. В их числе бригада пресовщика Кокотовой, пропитчика Цветкова, старшего варщика Савельева, сеточника Сергеева и др.

В результате активной борьбы коллектива комбината сверхплановая прибыль к XXXII годовщине Великого Октября выразилась в сумме 5 853 тыс. рублей. Только от реализации сверхнормативных запасов высвобождено оборотных средств на сумму 1.250 тыс. рублей.

Комбинат активно осваивает выработку новых видов продукции — влагопрочной бумаги, олифы из таллового масла, очищенного скипидара, фитостерина и др.

По итогам всесоюзного соревнования, решением ВЦСПС и Министерства лесной промышленности СССР коллективу комбината в 1949 г. была присуждена третья всесоюзная премия.

Не менее напряженная производственная жизнь идет на лесозаводе, рыбозаводе, леспромхозе, хлебозаводе, на витаминном заводе и на других предприятиях города.

г. Сегежа.

Борьба за высокую производительность и культуру труда сопровождается ростом культурных потребностей трудящихся Сегежи. Постоянная забота партийных и советских организаций обеспечивает планомерное развитие различных сторон культурной жизни Сегежи. Сегежа — «юный город на Севере», — как ее называют сами жители, несмотря на свою молодость — город с вполне сложившимся культурным обликом.

Широкая асфальтированная улица Сталина, засаженная молодыми деревцами, соединяет площадь перед управлением комбината с центральной городской площадью, которая обрамляется пятью большими четырехэтажными домами. Один из этих домов — гостиница. Позади гостиницы первоклассный Дом культуры — лучший в республике. По обеим сторонам городской площади стоят красивые восьмиквартирные коттеджи с красными черепичными крышами. Среди них выделяются здания поликлиники, больницы, средней школы, кинотеатра, детского сада и др. Справа от городской площади стокеры лесозавода — огромные (25—30 метров высоты) пирамиды из бревен — неизменная принадлежность сегежского городского пейзажа. Это — сырье комбината, который ежегодно поглощает сотни тысяч кубометров древесины.

Население Сегежи неизменно растет: из всех районов республики, из других областей Союза прибывают все новые и новые сотни рабочих.

В процессе строительства нового города здесь, как и в других городах Советского Союза, сложился новый тип советского горожанина — человека больших и разносторонних культурных запросов, умеющего организовать свой досуг. В жизни города огромную мобилизующую, организующую и воспитательную роль играют различные формы советской литературно-художественной культуры.

Ведущую роль в литературной жизни Сегежи играет книга. Сегежцы любят книгу, следят за всеми новинками советской литературы. Показателен рост фондов городских библиотек. В городе семь библиотек (всего 29.855 книг) — районная библиотека, районная детская библиотека и библиотеки комбината, средней школы, ремесленного училища, начальной школы и железнодорожной начальной школы. Кроме того, в городе функционируют две специализированные библиотеки — райпромкомбината и техническая библиотека комбината.

Только за первые восемь месяцев 1949 г. библиотеки произвели около 60 тыс. книговыдач, не считая обслуживания читателей в читальных залах перечисленных библиотек и в девятнадцати красных уголках предприятий города.

Крупнейшие библиотеки города — районная (вместе с детской — 11.999 экз. книг) и библиотека комбината (вместе с технической — 8.493 экз.). Библиотека общественно-политической и художественной литературы комбината только в январе 1949 г. отделилась от технической библиотеки. К этому моменту она располагала 1.421 экз. С января 1949 г. по 1 сентября 1949 г. фонд ее вырос почти в три раза. Количество читателей за это время возросло с 504 до 1.065. Из общего числа 4.053 экз. книг на общественно-политическую литературу приходится 926 экз., естественно-научную — 124, художественную — 2.803, детскую — 200.

Библиотека выписывает 314 экз. центральных и республиканских газет и 95 экз. общественно-политических и литературно-художественных журналов, среди них „Знамя“, „Звезда“, „Октябрь“, „Огонек“, „Вокруг света“, „На рубеже“ и др.

С января по октябрь 1949 г. библиотекой произведено 13.334 книговыдачи. За год, с июня 1948 г. по август 1949 г., четырнадцатую наиболее активными читателями прочтено 1.038 книг, т. е. в среднем по 74 книги на человека. Вот эти наиболее активные читатели:

№ п. п.	Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Род занятий	Количество прочитанных книг
1	Макарова Верз Владимировна	1894	Инженер	137
2	Мышинский Константин Михайлович	1911	Механик	137
3	Яковлева Людмила Владимировна	1924	Фрезеровщица	112
4	Никольская Анна Ивановна	1920	Лаборантка	89
5	Логвинова Анастасия Петровна	1928	Лаборантка	70
6	Ефимовская Уляна Степановна	1893	Сторож	60
7	Федорова Зинаида Яковлевна	1930	Наборщица	53

№№ п.п.	Фамилия, имя и отчество	Год рож- дения	Род занятий	Количе- ство прочитанных книг
8	Аблец Николай Васильевич	1909	Теплотехник	46
9	Зайцева Мария Павловна	1929	Наборщица	44
10	Чебыкин Федор Павлович	1926	Слесарь	44
11	Архипов Евгений Михеевич	1928	Электромонтер	41
12	Михсев Борис Федорович	1929	Кузнец	38
13	Соломатина Ефросинья Егоровна	1904	Уборщица	35
14	Скворцов Михаил Александрович	1930	Токарь	32

Как видно из приведенной таблицы, среди активнейших читателей — представители самых разнообразных профессий: инженер и сторож, техник и уборщица, наборщица, электромонтер, фрезеровщица, токарь и механик, т. е. представители технической интеллигенции и рабочие самых различных профессий. Большинство из них — передовики труда, стахановцы и ударники. Таков же состав и остальных читателей библиотеки. С 1 января 1949 г. постоянно числилось в библиотеке 706 читателей. Из них рабочих 396, служащих 260, инженерно-технического персонала 50 человек.

Особенным успехом в 1949 г. у читателей пользовались книги: „Белая береза“ М. Бубеннова (за год прочтена 192 читателями), „Счастье“ П. Павленко (170), „Кавалер Золотой звезды“ С. Бабеевского (164), „Повесть о настоящем человеке“ Б. Полевого (156), „На правом фланге“ В. Чехова (148), „Буря“ И. Эренбурга (56). Более чем 20 читателями прочитана „Молодая гвардия“ А. Фадеева, „Севастопольская страда“ С. Сергеева-Ценского, „Спутники“ и „Кружилиха“ В. Пановой, „Сталь и шлак“ В. Попова, „Угрюм-река“ В. Шишкова и др.

Состав наиболее читаемых книг также чрезвычайно характерен. В основном — это книги лауреатов Сталинских премий последних лет. Примечательна популярность романа В. Чехова „На правом фланге“, она говорит о большой тяге сегежских читателей к книгам о Карелии.

Не менее примечательны показатели читаемости произведений классической литературы. Три романа Л. Н. Толстого — „Война и мир“, „Анна Каренина“ и „Воскресенье“ — прочитали в общей сложности 249 читателей.

Большинство названных книг постоянно на руках; на наиболее популярные из них устанавливается очередность, несмотря на то, что библиотека имеет многие книги в нескольких экземплярах, например „Счастье“, „Белая береза“, „Повесть о настоящем человеке“ и „На правом фланге“ — в шести экземплярах, „Кавалер Золотой звезды“ — в семи, „Севастопольская страда“ — в восьми экземплярах и т. д.

Примерно такая же картина вырисовывается и при анализе работы других библиотек города. Библиотеки энергично популяризуют лучшие книги советской литературы. Так, например, в районной библиотеке организована постоянная выставка книг лауреатов Сталин-

ских премий. Большинство библиотек часто обновляет рекомендательные списки и проводит читки книг в цехах комбината, в школах, в читальном зале районной детской библиотеки и т. д.

Активно пользуясь фондами местных библиотек, сегежцы пополняют и собственные, личные библиотечки. В квартирах рабочих и инженерно-технического персонала комбината нередкость значительные библиотечки, которые любовно комплектуются из лучших книг советской литературы и русской классики.

Интересно отметить, что подписка на шеститомное издание сочинений А. С. Пушкина (25 экземпляров которого были предоставлены Сегеже) закончилась в один день, и местный магазин КОГИЗ, а вынужден был дополнительно запросить разрешение на продолжение подписки. По свидетельству заведующей магазином А. Дергуновой, особенно высок спрос на сочинения Горького, Пушкина, Шолохова, Н. Островского, Л. Толстого, Тургенева, Фадеева, а также на „Белую березу“ Бубеннова, „Далеко от Москвы“ Ажаева и др.

Огромную роль в распространении художественного слова играет и периодическая печать. С каждым годом растет число индивидуальных подписчиков на центральные, республиканские и районные журналы и газеты. Помимо поступлений в розничную продажу, в Сегеже в 1949 г. размещено около 2,5 тыс. экземпляров периодических изданий, в то время как в 1947 г. число подписчиков не достигало 2 тыс. Характерно разнообразие выписываемых изданий: сегежцы выписывают 12 названий газет и 35 названий журналов; среди них — газеты „Правда“, „Культура и жизнь“, „Литературная газета“ и литературно-художественные журналы „Новый мир“, „Звезда“, „Октябрь“, „Огонек“, „На рубеже“, „Искусство кино“, „Молодой большевик“, „Вокруг света“, „Театр“, „Советская книга“, „Художественная самодеятельность“, „Молодежная эстрада“, „Затейник“ и др.

Большую роль в популяризации лучших книг советской литературы и в распространении советских песен играет радио. Радио прочно вошло в быт трудящихся города. Особенной популярностью пользуются московские радиопередачи. Благодаря им глухое когда-то Выгозерье узнает теперь все литературные новости одновременно со столицей. Местное радиовещание широко практикует литературные передачи, используя художественную самодеятельность и литературные материалы районной печати, откликается на крупнейшие литературные юбилеи. Так, в 1949 г. были организованы беседы о Пушкине, Горьком, Л. Толстом, Н. Островском, о „Калевале“ и т. д. Практикуется и рецензирование кинофильмов („Встреча на Эльбе“, „Мичурин“ и др.) и постановок драматического коллектива („Московский характер“). 24 мая 1949 г. транслировалась беседа заведующей районной библиотекой В. Д. Власовой — „Книгу в массу“.

Книга — далеко не единственный источник литературно-художественной культуры города. Значительное место занимает в ней кино¹ („самое массовое из искусств“) и различные виды сценического искусства: профессиональный и самодеятельный театр, хоровые и музыкаль-

¹ Сегежа располагает хорошим вместительным кинотеатром „Победа“, в основном удовлетворяющим потребности кинозрителей. Как сообщила 6 февраля 1949 г. районная газета „Сталинский путь“, за 1948 г. в кинотеатре „Победа“ было дано 11.146 сеансов, в два раза больше, чем в 1946 г., и было обслужено на 30 тыс. зрителей больше.

ные самостоятельные коллективы, самостоятельные концерты эстрадного типа и т. д.

Сегежу часто навещают ленинградские и петрозаводские артисты, Республиканский театр русской драмы, оперная группа Республиканской филармонии и ансамбль „Кантеле“. Так, например, с 8 по 12 июля 1949 г. театр Русской драмы дал пять спектаклей: „Московский характер“, „Два капитана“, „Таня“, „Особняк в переулке“ и „Глубокие корни“. 14 апреля 1949 г. Сегежу посетила Государственная Академическая капелла и т. д.

На сезон 1949/50 г. Республиканская филармония спланировала для Сегежи 10 лекций-конcertов силами артистов ленинградских концертных организаций.

Гастроли профессиональных артистов каждый раз привлекают сотни зрителей, однако не менее важную роль играют систематические и богатые в репертуарном отношении выступления самостоятельных коллективов.

Дом культуры Сегежского целлюлозно-бумажного комбината является центром всей культурной и массовой работы не только г. Сегежи, но и всего Сегежского района. Уже говорилось о том, что он прекрасно оборудован: зрительный зал на 500 мест, вместительный лекционный зал, спортивный и танцевальный залы, просторные и светлые комнаты отдыха и комнаты для занятий различных кружков — все это делает сегежский Дом культуры одним из лучших в республике.

При Доме культуры работают 13 различных кружков для взрослых и 6 детских кружков с постоянным составом 523 человека.

Особенно радует размах работы художественной самостоятельности, неуклонный рост ее активности. Если за весь 1948 г. концертными коллективами Дома культуры было дано 50 концертов, которые посетило 87.500 человек,¹ то за первые восемь месяцев 1949 г. было дано 93 концерта. Значительно возросло и число посетителей концертов. За это же время культбригадой Дома культуры дано 36 концертов на предприятиях, лесопунктах, лесных строительных участках, сплавпунктах и в колхозах (обслужено 4.250 зрителей). Только в течение августа 1949 г. состоялось 13 выездных концертов. Обычная программа концертов складывается из выступления хора (46 чел.), сольного пения, музыкальных номеров (аккордеон и т. п.), декламации и инсценировок. Поражает богатство и разнообразие каждого из названного видов самостоятельности.

Хор и восемь солистов подготовили и исполнили за восемь месяцев 1949 г. 85 советских, классических и старых народных песен и романсов. 13 декламаторов исполнили 45 различных поэтических и прозаических произведений. Среди них: стихи советских поэтов — В. Маяковского, Д. Джамбула, К. Симонова, А. Кулешова, М. Алигер, М. Голодного, А. Твардовского, И. Исаковского, С. Щипачева, С. Кирсанова, И. Сельвинского и др., стихи Пушкина и Лермонтова, отрывки из прозаических произведений Л. Н. Толстого и М. Горького, отрывки из карело-финского эпоса „Калевала“ и т. д. Драматический кружок за это же время поставил 20 различных инсценировок.

¹ Репертуар хора мы не подвергаем специальному анализу, так как он составляется по рекомендациям Республиканского Дома народного творчества. На конкурсе 1946 г. хор занял второе место среди городских хоров республики.

Среди них многоактные пьесы: „За тех, кто в море“ Б. Лавренева, „Не все коту масленица“ А. Островского. Неизменным успехом пользуются инсценировки рассказов А. П. Чехова — „Трагик поневоле“, „Дорогая собака“, „Хамелеон“, „Дипломат“, „Юбилей“, „Жених и папенька“ и др.

Так, различными путями — через книги, журналы, газеты, радио, через многообразные формы художественной самодеятельности — сегежцы приобщаются к общесоюзной литературной культуре, с каждым годом становятся все более активными ее участниками и носителями. Огромная политико-воспитательная роль советской литературы, ее значение в дальнейшем развитии и углублении морально-политического единства советского народа выступают здесь со всей наглядностью.

Воля к творчеству, стремление к творческому участию во всех областях советской жизни (производственно-технической, общественно-политической и культурной) — характернейшая черта советского человека. Приведенные выше материалы по художественной самодеятельности города свидетельствуют об огромной тяге к творческому участию в развитии советской литературно-художественной культуры. Сценическое претворение реалистических образов советской драматургии и лучших произведений реалистической драматургии XIX в., исполнение песен и романсов, художественная декламация делают кружковцев сегежского Дома культуры прямыми участниками творческого процесса созидания всенародного советского искусства. Недаром нашу самодеятельность называют „золотым резервом“ профессионального искусства.

Еще больший интерес с этой точки зрения представляет творчество сегежских начинающих поэтов. За последние три года на страницах местных газет — „Сталинский путь“ (районная газета) и „Стахановец“ (многотиражка комбината) — печатались стихи одиннадцати местных поэтов (А. Тютюнин, Л. Егоров, А. Ильин, Н. Зотов, А. Свиньин и др.). Этот факт уже сам по себе красноречив.

Стенные газеты многих цехов комбината (ТЭЦ, бумтара и др.) и других предприятий и учреждений города часто печатают стихи, частушки, фельетоны, главным образом связанные с производственной жизнью предприятий¹. Теснейшая связь с производственной жизнью комбината характерна также и для „печатающихся“ поэтов города. В этом отношении любопытно стихотворение Н. Зотова „Сегежцам“, посвященное завершению годового производственного плана комбината:

Слово, данное с искренним сердцем
Патриотов отчизны родной,
Вы сдержали сегодня, сегежцы,
С честью выполнив план годовой.

Героическому труду передовиков производства посвящено стихотворение А. Тютюнина „Героям труда“. Сегежские поэты смело вторгаются в жизнь. Пусть их стихи еще несовершенны, — но чрезвычайно важна и показательна сама воля к творчеству, сознание его общественной важности. Поэты Сегежи всегда с радостью отзываются на

¹ В цехах и отделах комбината выходит 24 стенных газеты. С мая 1948 г. по июнь 1949 г. всего выпущено 283 номера.

крупнейшие события в жизни города и республики (годовщина освобождения столицы республики г. Петрозаводска, день выборов в Верховный Совет К-ФСОР, день Победы, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 1 мая, 8 марта и т. д.). Стихи их полны патриотического пафоса, ясного сознания величия побед советского народа. В центре их раздумий о судьбах социалистической отчизны — образы гениальных вождей советского народа, Ленина и Сталина.

Мы Ленина знамя, Сталина знамя несем...

(Н. Зотов).

Обращаясь к своим сверстникам, молодой поэт Л. Егоров пишет:

Ты отстоял республики леса.
Теперь в заводе с песней боевою
Творишь трудом другие чудеса,
Как подобает воину-герою.

Мысли о героическом труде, о силе коллектива, гордость за достигнутые успехи, за полученные правительственные награды — в каждом стихотворении. Особенно удачно выразил это молодой токарь И. Костин в стихе „Орденоносный комбинат“:

Награда — это общая заслуга.
Не награжденных нету никого!
Девиз — „Держаться друг за друга,
Один за всех и все за одного!“

К годовщине освобождения столицы республики А. Тютюнин пишет:

Красуйся столица земли Калевалы,
Во имя свободы, любви и труда.

Воспевая успехи советского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенного строительства, воспевая героизм и трудовые подвиги людей города, сегежские поэты своим художественным словом активно борются с отдельными неполадками в хозяйственной и общественной жизни комбината (стихотворения Ф. Ильина „Слова и дела“ — о неполадках в столовой, А. Ильина „Думы огородника“ и басня „Медведь и капуста“ о работе огородной комиссии фабкома, Н. Зотова „Необыкновенное собрание“ — о подсобном хозяйстве комбината и т. д.).

Тот же круг тем характерен и для стенных газет отдельных цехов комбината. Особенно активно печатает литературный материал стенгазета „Энергетик“ (ТЭЦ). В третьем номере этой газеты помещены частушки, высмеивающие нерадивых рабочих, безответственно относящихся к своим производственным обязанностям. В номере девятом той же стенгазеты обращает на себя внимание стих „О ящике вопросов и ответов“, в других номерах — стихи о незаконных действиях кассира, о плохой работе старшей дежурной по распределительному щиту, о виновниках аварий и т. д. Критика эта остра, поэтому общественное значение подобных поэтических выступлений трудно переоценить.

Следует пожалеть о том, что в Сегеже до сих пор нет городского литературно-творческого кружка, который помогал бы начинающим поэтам. Необходимость организации такого кружка вполне созрела, об этом свидетельствует тот интерес, который проявляется молодежью города к работе единственного в Сегеже литературно-творческого кружка при ремесленном училище (руководитель Е. В. Толстых)¹. Кружок этот организован в октябре 1948 г. и работает чрезвычайно активно. Члены кружка именуют его „литературно-творческим“, в отличие от другого „литературно-художественного“, возникшего параллельно с ним и занимающегося обсуждением новинок советской литературы². В работе литературно-творческого кружка постоянно участвуют девять человек. Помимо регулярных обсуждений новых стихов и рассказов, кружок в среднем один раз в месяц выпускает стенную „Литературную газету“. С момента организации кружка вышло 13 номеров, содержащих в совокупности громадное количество стихов и рассказов. Самые активные авторы — ученики Костин, Могунов, Кириллин, Шелобков, Степанов. Темы ученических произведений самые разнообразные: особенно много стихов о Ленине и Сталине, о героях Великой Отечественной войны. В стихотворении С. Могунова „Герой“ — памяти А. Матросова говорится:

За Сталина, за партию родную
И за народ ты пал в честном бою.

Пример славного героя мобилизует силы молодежи:

Мы точно так же будем верны
Своей Отчизне до конца,

говорится в том же стихотворении.

За то, чтоб лучше было жить,
Свои мы жизни отдадим,

пишет Могунов в другом стихотворении — „Ленин“.

Выход в свет одной из газет был приурочен к дню всенародной подписки на заем восстановления и развития народного хозяйства. Стихотворный аншлаг Н. Костина призывал:

Дружной подпиской на новый заём
Родине деньги мы отдаём,
Чтобы крепчала наша страна,
Сильной, могучей была бы она!
„Ни одного без подписки на заем“! —
Клич призывный сегодня бросаем.

Во многих номерах стенной „Литературной газеты“ встречаются стихи, призывающие учеников ремесленного училища повысить качество общеобразовательной и производственной учебы (Н. Костин „За учебу“, Максимов „Пожелание“, В. Степанов „Разговор друзей“

¹ При сегежской средней школе существует литературный кружок (руководимый преподавательницей Зальцберг), который, в основном, занимается изучением истории литературы.

² Прочитаны и обсуждены „Повесть о настоящем человеке“, „Молодая гвардия“, „Белая береза“, „Кавалер Золотой звезды“, „Аллит ухлит в горы“ и сборник рассказов А. П. Чехова. В составе кружка 20 учеников ремесленного училища.

и др.). В стихотворении „Новый год“ С. Могунов высказывает пожелание, чтобы в наступающем году:

Наш коллектив сильнее
В учебе поспенал,
Чтоб Сталин с мавзолея
„Спасибо!“ нам сказал.

Молодые поэты любовно воспевают красоту лесных просторов республики (стихотворения С. Могунова „Зима“, Н. Костина „Пейзаж“, „Май“ и пр.). Любопытно коллективное стихотворение членов кружка, высмеивающее нарушителей порядка в столовой. Члены кружка вообще охотно творят коллективно. С конца прошлого года весь состав литературно-творческого кружка работает над коллективной повестью из истории города и комбината, о сегежских партизанах, которую решено назвать „Юный город на Севере“¹. До начала летних каникул 1949 г. было написано несколько глав по плану, который был выработан всеми кружковцами сообща. С осени кружок продолжил работу над повестью. Предстоит еще большая работа: отдельные главы не всегда согласованы друг с другом, надо поработать над языком и композицией повести. Союзу советских писателей К.ФССР следовало бы помочь кружку в этой любопытнейшей коллективной форме творчества, памятуя отношение А. М. Горького к бригаде иркутских школьников, написавших „Базу курносых“.

Замысел учеников Сегежского ремесленного училища особенно интересен еще и потому, что он связан с разработкой истории города и комбината. Союзу писателей республики следовало бы учесть желание сегежцев иметь художественное описание истории „юного города на Севере“.

В процессе изучения литературной жизни Сегежи нам пришлось столкнуться еще с одной коллективной по существу формой творчества. Последние два-три года в Сегеже много говорят о необходимости создать песню о комбинате. Городские и районные организации обращались по этому поводу к Союзу советских писателей и Союзу советских композиторов республики. На их призыв откликнулись петрозаводские поэты А. Титов и В. Аристов и заслуженный деятель искусств К.ФССР композитор А. И. Голланд. Однако тексты, предложенные поэтами, оказались несколько отвлеченными и по существу не содержали в себе ничего специально „сегежского“. На один из этих текстов („Сегежский богатырь“) местный музыкант В. И. Плетенцов написал музыку, но песня не имела успеха ни у хора, который пробовал ее исполнять, ни у слушателей.

Вслед за профессиональными поэтами за дело взялись сегежские начинающие поэты — А. Свиньин, И. Костин, Н. Зотов, Н. Дмитриев и др. Текст песни, написанный Н. Зотовым, был предложен композитору А. И. Голланд, но и эта попытка окончилась неудачей: стихи Зотова, как не поддающиеся музыкальному переложению, были справедливо отвергнуты композитором. Тексты И. Костина и Н. Дмитриева также не имели успеха, и хор остановился на тексте А. Свиньина, которому предложили продолжить работу над песней. После некоторых улучшений текста художественный руководитель сегежского хо-

¹ См. сообщение ТАСС об этой повести в „Комсомольской правде“ от 6 января 1950 г., стр. 1.

ра В. К. Иванов переложил ее на музыку. Хор разучил песню и исполнил ее впервые на концерте, посвященном XXXIII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Приводим ее текст:

«СЕГЕЖА — ГОРОД ЮНЫЙ»

(Слова А. Свинына, музыка В. Иванова)

Лесные массивы тебя окружают.
Зеркальные воды широких озер.
Как в сказке волшебной дома вырастают,
Огни озаряют фасадов узор.

Припев: Прославлен в труде город юный
Сегежа,
Республики гордость, растешь
с каждым днем,
В зеленом уборе и в снежном
К победе шагаешь, залитый огнем.

Ты твердо стоишь на фундаменте крепком
Громадою труб и больших корпусов,
Красивым дворцом, парком отдыха летним,
Все это создано на месте лесов.

Припев.

Почетное место в республике нашей
Ты занял по праву, наш город-герой.
Бумажников город мы сделаем краше,
Одною дорогой шагая с тобой

Припев.

Вперед к коммунизму, к заветному счастью,
В едином стремлении на стройке большой,
Возвигнутый прочно советскою властью,
Ты должен гордиться такою семьей.

Припев.

Будущее покажет, станет ли песня А. Свинына — В. Иванова популярной среди трудящихся города. Безусловно песня эта ещё не совершенна в художественном отношении, но в ней высказаны мысли сегежцев о своём городе, их гордость достигнутыми успехами, их воля сделать город ещё краше и вместе с ним стремиться „вперед к коммунизму, к заветному счастью“.

Итак, в создании песни о Сегеже приняли участие шесть поэтов и два композитора; большую заинтересованность проявила и основная масса участников хора Дома культуры и определённая часть постоянных посетителей концертов самодеятельности. Поэтому процесс создания песни следует квалифицировать, как одну из форм современного коллективного творчества, которое не исключает, а, наоборот, предполагает максимальную творческую инициативу отдельных его участников.

Превращение сегежского хора в творческую лабораторию, в которой выковывается новая песня, — явление безусловно закономерное и заслуживающее всяческой поддержки¹.

¹ Новые песни создают и некоторыми другими хорами республики — сегозерским, петровским, шелтозерским, пряжинским и др.

Три года тому назад в Сегеже намечалось оформление ещё одного вида коллективного творчества. 5 июня 1947 г. газета „Стахановец“ (№ 22/203) объявила о том, что при Доме культуры организован частушечный кружок под руководством Н. М. Лампиainen, в котором приняли участие несколько девушек. Однако кружок не получил должной поддержки и скоро распался. Такое пренебрежение к частушке совершенно не обосновано. Частушка — острое и гибкое поэтическое оружие, способное сослужить хорошую службу в борьбе за дальнейший расцвет социалистической культуры города. Следует ли напоминать о том, как высоко ценил частушку великий основоположник советской литературы А. М. Горький.

Чрезвычайно высока песенная культура Сегежи. Изучение песенного репертуара сегежской молодежи¹ показало огромную популярность новой советской песни, как созданной профессиональными поэтами и композиторами, так и имеющей устное происхождение. Песня звучит повсюду — на демонстрациях и на вечерах самодеятельности, на молодежных гуляньях и семейных вечеринках, в Доме культуры, в парке культуры и отдыха, а по вечерам — и на улицах города. Наблюдения над жизнью песни производились различными методами. Помимо регистрации песен во время их исполнения, практиковались индивидуальные опросы и обследования рукописных песенников.

Рукописные песенники представляют собой чрезвычайно любопытное явление. Они дают богатейший материал для изучения советской песенной культуры. Каждый второй — третий молодой сегежец имеет тщательно составленный и любовно пополняемый песенник. Составляются песенники обычно следующим образом. Прежде всего сам владелец записывает все понравившиеся ему песни. Искерпав свой запас, он обращается к своим друзьям и подругам с просьбой пополнить песенник известными им песнями. В дальнейшем в песенник записываются песни, вновь услышанные его владельцем. Обследование песенников показало, что в составлении каждого из них в среднем участвует 8—10 человек. Таким образом, песенники составляются коллективно и отражают не индивидуальный, а групповой песенный репертуар.

Автором настоящей статьи просмотрено более полусотни таких песенников. В среднем каждый из них содержит 75—80 песен. Встречались песенники и более значительные по своим размерам, так, например: молодому электрику Борису Малышеву, в прошлом ученику Сегежского ремесленного училища, принадлежит песенник, содержащий 156 песен; молодому рабочему комбината Валерию Степанову, делегату четвертой сегежской районной комсомольской конференции (1948 г.), принадлежит песенник, содержащий 140 песен, и т. д. Даже внешний вид большинства песенников свидетельствует о любви их владельцев к песне. Все песни переписаны аккуратным, красивым почерком, многие из них иллюстрированы цветными рисунками или вырезками из журналов. В конце песенников обычно оглавление с указанием страниц.

Сегежцы пополняют свой репертуар самыми различными способами: песенные новинки приносят радио, печатные песенники, патефонные пластинки и т. д. Большую роль в популяризации советских

¹ Материалы обследования хранятся в архиве Карело-Финского филиала Академии наук СССР.

песен, в общем подъёме песенной культуры, играет хор Дома культуры, репертуар которого, как говорилось выше, пополняется очень активно.

В процессе изучения песенных запасов, которыми владеют трудящиеся города, всё яснее и яснее вырисовывалось поразительное богатство и многообразие современной советской народной песни. Замечательный расцвет советской песни, особенно в последнее десятилетие, в течение которого были созданы прекрасные образцы всех видов песни (начиная с революционных гимнов и кончая лирическими песнями), любовно принятые всем нашим народом, совершенно преобразил массовый песенный репертуар.

В Сегеже зарегистрировано нами 316 различных песен. Сплошное описание первых шестисот песен, встретившихся в рукописных песенниках, выявило любопытнейшую картину. Процентное соотношение различных видов песни оказалось следующим¹.

Советская песня профессиональных поэтов и композиторов	60,5%	} 73%
Советская песня устного происхождения	12,5%	
Старинная русская народная песня	16,0%	
Классический романс	4,0%	
„Жестокий“ („мещанский“) романс	7%	

Проанализируем эти данные. Прежде всего, радует ведущая роль песни, созданной советским временем (73%). Место, которое отводится сегежцами традиционной народной песне, свидетельствует о строгости отношения к песенному наследию. Вместе с классическим романсом, бытующим в качестве песни, русская народная песня занимает $\frac{1}{5}$ репертуара. „Жестокий“ романс окончательно сдал свои позиции. Однако нельзя мириться с наличием даже этих 7 процентов „жестокого“ романса, — он должен окончательно исчезнуть.

Описание песенников дало возможность выявить одновременно и наиболее популярные песни 1949 г. Процентный анализ 75 наиболее популярных песен дает приблизительно такие же результаты, убеждающие в объективности нашей оценки современного сегежского песенного репертуара: из 75 песен оказалось 56 советских (5 из них устного происхождения), 16 традиционных и 3 „жестоких“ романса.

Какие же песни наиболее популярны в Сегеже? В числе 15 наиболее активно исполняемых советских песен оказались: Гимн Советского Союза, Интернационал (партийный гимн), „Песня о Сталине“ (А. Суркова — М. Блантера), Песня о Сталине („От края до края“ муз. А. Александрова), „Моя Москва“ (М. Лисянского и С. Аграняна — И. Дунаевского), „Ой туманы мои, растуманы“ (М. Исаковского — В. Захарова), „Одинокая гармонь“ (М. Исаковского — Б. Мокроусова), „Девичья песня“ (М. Исаковского — В. Соловьева-Седого), „Матросские ночи“ (С. Фогельсона — В. Соловьева-Седого), „Под звездами балканскими“ (М. Исаковского — М. Блантера), „Чайка“ (В. Лебедева-Кумача — Милютин), „По берлинской мостовой“ (Ц. Со-

¹ Само собой разумеется, что сегежский репертуар не был нами исчерпан в полной мере.

лодаря — Д. Покрасса), „И кто его знает“ (М. Исаковского — В. Захарова), „Грустные ивы“ (Л. Жарова — М. Блантера), „Землянка“ (А. Суркова — К. Листова).

Из наиболее активно исполняемых традиционных песен следует отметить: „Из-за острова на стрежень“, „По диким степям Забайкалья“, „Ермак“, „Варяг“ („Наверх вы, товарищи! Все по местам“), „Меж крутых бережков“, „Спустилась ночь над бурным Черным морем“, „Живет моя отрада в высоком терему“, „Когда я на почте служил ямщиком“, „Тройка мчится, тройка скачет“, „Рябина“, „Глухой неведомой тайгою“, „Славное море, священный Байкал“, „Вот мчится тройка почтовая“.

Отбор традиционных песен закономерен. Названные песни безусловно принадлежат к лучшим образцам старой русской песни и в мелодическом, и в текстовом отношении, недаром большинство из них постоянно исполняется крупнейшими государственными хорами русской народной песни — хором Свешникова, ансамблем песни и пляски Советской Армии и хором им. Пятницкого.

Русская народная песня издавна славится замечательным тематическим разнообразием. И все же старая песня была ограничена узостью жизненного кругозора дореволюционного крестьянства. В этом отношении современная советская народная песня коренным образом отличается от неё. Включив в себя всё то лучшее, идеологически наиболее близкое и художественно наиболее совершенное, что было в старой народной песне, новая советская народная песня отражает все стороны жизни советского народа: его прошлое, настоящее и будущее, его любовь к социалистическому отечеству, к великим создателям Советского государства — Ленину и Сталину, его ненависть к врагам советского народа, все стороны его политической, общественной и интимной жизни.

В репертуаре сегежцев богато представлены песни, воспевающие героическое прошлое и героизм революционной борьбы русского трудового народа (см. песни „Ермак“, „Степан Разин“, „Спускалась ночь над бурным Черным морем“, „Варяг“, „Замучен тяжелой неволей“, „Смело, товарищи, в ногу“ и др.). Еще больше песен посвящено крупнейшим событиям истории советского народа — гражданской войне („Каховка“, „Партизан Железняк“, „Под Царицыном“, „По долинам и по взгорьям“ и др.) и особенно Великой Отечественной войне (свыше 30 песен, среди них — „Священная война“, „Марш артиллеристов“, „О Днепре“, „Эшелоны уходят на запад“, „Шумел сурово брянский лес“, „Ой туманы мои, растуманы“, „Одесса“, „Севастополь“, „В лесу прифронтовом“, „Соловьи“, „Огонек“ и др.).

Песни о Великой Отечественной войне чрезвычайно разнообразны. Здесь мы встретим боевую песню, маршевую песню, революционный гимн, партизанскую песню, застольную, лирическую, сатиру на врага и т. д. Не менее разнообразны песни о трудовой героике, о славе социалистической отчизны, о Советской Армии и советская лирика, воспевающая красоту человеческих взаимоотношений и т. д. Советские народные песни, поющиеся в Сегеже, отличаются высокой идейностью, пронизаны горячей любовью к социалистической Отчизне, все они неизменно связаны с именем величайшего вождя советского народа И. В. Сталина. Недаром имя Сталина упоминается почти в каждой песне, недаром песни о Сталине („На просторах родины чудесной“, „От края до края, по горным вершинам“, „Шли де-

никинцы с осадой" и др.) пользуются совершенно особой любовью.

Сегежцы чрезвычайно быстро осваивают новые песни. Канули в вечность времена, когда Выгозерье узнавало столичные новинки с опозданием в несколько лет. Нет ничего удивительного в том, что в репертуаре сегежской молодежи мы находим сплошь и рядом только что опубликованные новые песни Соловьева-Седого, Блантера, Мокроусова, Новикова и др. Великие достижения советской культуры превратили Сегежу из далекого, замкнутого в самом себе провинциального уголка в социалистический город, в „городок — Москвы уголок". На этой почве выковывается замечательное единство советской народной песни.

Совершенно так же, как и советская книга, советская песня в Сегеже является в равной степени достоянием трудящихся всех возрастов, всех специальностей и квалификаций. Есть, конечно, песни особенно любимые молодежью, детьми или пожилыми людьми, но нет песен, которые исполнялись бы либо только рабочими, либо только интеллигенцией, либо только колхозниками. Поэтому основной запас советских песен, исполняющихся сегежцами, следует назвать „советской народной песней". Они народны в большей мере, чем были народные традиционные песни, потому что ярче и глубже отражают интересы народа, потому что являются действительным достоянием всего народа, а не только большинства его, как было прежде. Действительная народность советской песни — одно из замечательнейших проявлений морально-политического единства советского народа.

Анализ сегежских песен показывает, что современный русский песенный репертуар, не замыкается в узкие национальные рамки, — он любовно усваивает лучшие песни других народов Советского Союза. Так, среди песен, исполняющихся сегежцами, нам встречались украинские, белорусские, грузинские и др. Однако русская песня играет, безусловно, ведущую роль. Карелы и финны, живущие в Сегеже, не только охотно исполняют русские советские песни, но и активно переводят их на финский и карельский языки.

Как показывает приведенная выше таблица (стр. 58), основная масса (60,5%) современных народных песен, исполняющихся в Сегеже, создана советскими поэтами и композиторами-профессионалами. В этом также нет ничего удивительного. Безусловно, профессионалам и должна принадлежать ведущая роль в развитии советского народного искусства. Отдавая свой дар на службу народу, они творят искусство, горячо воспринимаемое всем советским народом.

Та же таблица показывает, что 12,5 процента зафиксированных в Сегеже песен отнесено к „песням устного происхождения". Так называли мы песни, созданные самостоятельно и распространяющиеся устно. Следует отметить, однако, что сами сегежцы не различают песен по такому признаку. Если песня хороша — идеологически полнокровна и художественно ценна, — она усваивается как своя, народная, без оглядки на её происхождение. Лучшие устные песни (например, „От края до края, по горным вершинам", „На опушке леса старый дуб стоит", „С Васильевского Острова с завода „Металлист", „Красноармеец был герой" и др.), принятые к исполнению известными хорами, звучащие по радио, попадающие в печатные песенники, совершенно перестают отличаться от песен профессиональных поэтов и композиторов. Песни же, по тем или иным причинам не получившие такого признания, но, тем не менее, пользующиеся успехом среди

сегежцев, осмысляются как песни, „не исполняющиеся по радио“. Тексты этих песен встречаются в различных вариантах, часто довольно сильно расходящихся (например, „Одесса“, „Севастополь“, „Пилот“ и др.). Следовательно, народная мысль продолжает их шлифовать и совершенствовать.

Песни же закрепленные исполнением по радио, напечатанные, предполагают устойчивость текстов. Однако это не значит, что народ усваивает их пассивно, нетворчески. Творчество в таких случаях выливается в совершенно иные формы: тексты и напевы профессиональных поэтов и композиторов служат часто отправной точкой для создания новых песен, они как бы „обрастают“ переделками, перелицовками, отдельными четверостишиями, „ответами“ и другими видами современного массового песенного творчества. Так, в Сегеже было записано 20 переделок различного вида и 5 „ответов“. Встретились переделки советских песен — „Три танкиста“, „Если завтра война“, „Парень молодой“ (2), „Синенький скромный платочек“ (4), „И кто его знает“ (2), „Тачанка“, „Катюша“, „По морям, по волнам“ и др., и традиционных песен — „Коногон“ (5), „Рябина“, „В лесу, замолкли пташки“ и др. „Ответы“ встретились на песни „Чайка“, „Огонек“, „Не тревожь“, „Шаланды полные кефали“ и т. п.

Переделки представляют собой обширную группу устных песен самого различного типа, как пример можно указать на песню о гражданской войне („Тачанка“ М. Рудермана) или о победе советских войск при озере Хасан („Три танкиста“), которая путём сравнительно небольшой переделки некоторых стрóf, превращается в песню о Великой Отечественной войне:

М. РУДЕРМАН

Эх, за Волгой и за Доном
Мчался степью золотой
Загорелый, запыленный
Пулеметчик молодой...

По земле грохочут танки,
Самолеты петли вьют,
О буденновской тачанке
В небе летчики поют.

И врагу поныне снится
Дождь свинцовый и густой,
Боевая колесница,
Пулеметчик молодой...

ПЕРЕДЕЛКА

По фашистским по колоннам
Дождь свинцовый проливной
Загорелый, запыленный
Пулеметчик молодой.

По земле грохочут танки,
Самолеты в бой идут
И крылатые тачанки
Смерть противнику несут.

До победы будем биться —
Мчит под красною звездой
Боевая колесница,
Пулеметчик молодой¹.

Значительно чаще переделки лишь отдалённо напоминают песни, на основе которых они вырастают. Из старой песни берется в таких случаях лишь напев и, соответственно, ритмическая структура песни, например:

«БЕДНАЯ ДЕВЧИНА» (переделка «Рябины»)

Что стелешь, скучая,
Бедная левчина,
Голову склонила,
Что же за причина?

¹ Из песенника Б. Малышева (Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат).

„Он меня не видит,
Он меня не слышит,
Только часто письма
Мне оттуда пишет.

Как бы мне, девчине,
К другу перебраться
И в бою жестоком
Вместе с ним сражаться!“.

„Не грусти, родная,
Скоро я приеду
И с тобой вместе
Выпьем за победу!“

«У ОГРАДЫ»

У ограды ходит старец
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.
И кто его знает,
Чего он моргает.

Я спросила, кто такой он,
Ничего не говорит,
Подошел ко мне спокойно,
Оглянулся и молчит
И кто его знает,
Чего затевает.

Я от страха онемела,
Он со мною рядом встал,
Бородой метнул налево
И меня поцеловал.
И кто его знает
Чего позволяет.

Я за бороду схватила,
Оторвалась борода,
За усы его схватила,
От усов и нет следа.
И кто его знает,
Чего прицепляет

Я уж чуть не закричала,
Он закрыл мне рот рукой,
Я взглянула, увидела —
Партизан Ванюша мой.

В обоих случаях, по существу, возникла новая песня с новой идеей, выраженной новым сюжетом. Из старой песни используются только некоторые строки, не определяющие всего облика песни. Особенно показательна в этом отношении переделка песни „По морям, по волнам“. Старая лирическая песня превратилась в боевую матросскую песню Великой Отечественной войны.

«ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ»¹

Ты моряк советского народа,
Тебе не страшен враг любой,

¹ Из песенника В. Степанова — электрика Сегежского целлюлозно-бумажного комбината. Песня представляет собой вариант переделки В. Лебедева-Кумача.

За родную землю и свободу
Ты ведешь отважно бой.

Припев: По морям,
По волнам,
Бей верней
По врагам!

По морям, морям, морям,
Бей вернее по врагам.

Ты привык решительно и смело
Лихим ударом бить врагов.
Пусть же грянет громче, чем гремела,
Слава русских моряков!

Припев.

Будь в бою отважен и неистов,
Расплату извергам готовь.
Без пощады бей, моряк, фашистов —
Смерть за смерть и кровь за кровь.

Припев.

Вокруг песни „Синенький скромный платочек“ создан целый цикл лирических песен, среди которых особенно интересны: „Шелковый красный платочек“ — о девушке партизанке, перевязавшей бойцу раны красным шелковым платком, и „Белый халатик“ — о медсестре из полевого госпиталя.

Песня „Коногон“, как неоднократно уже отмечалось в обзорах песен Великой Отечественной войны, послужила основой для возникновения цикла песен о бойцах, героически погибших на полях войны за свободу и независимость Родины. В Сегеже удалось отметить пять песен такого рода, тесно переплетающихся друг с другом: „Одесса“, „Севастополь“, „Танкист“, „Пилот“, „Краснофлотец“¹.

Основная идея этих песен — героизм солдат Советской Армии, их воля к победе и их ненависть к врагу.

Большой популярностью пользуется в Сегеже „Бескозырка“, также неоднократно записывавшаяся в различных областях Советского Союза.

Кроме отмеченной выше песни „У ограды“, сегежцы поют ещё несколько песен о партизанах: на мотив песни „Сотни юных бойцов“ исполняется текст В. И. Лебедева-Кумача „В тёмной роще густой, партизан молодой,“ напевом старой солдатской песни распевается „В лесу замолкли пташки“².

«В ЛЕСУ ЗАМОЛКЛИ ПТАШКИ»

В лесу замолкли пташки,
Чуть слышны голоса, } 2 раза

Два смелых партизана
Орудьями гремят. } 2 раза

Заходят в край деревни,
Стучатся в первый дом: } 2 раза

¹ Примыкает к ним песня „Машинист“, возникшая, очевидно, еще до Великой Отечественной войны.

² Из песенника Б. Анушина — ученика Сегежского ремесленного училища.

„Хозяйка, ты хозяйка, Пусти нас ночевать“.	} 2 раза
„Я рада бы, пустила, Но нечем угостить“.	} 2 раза
„Хозяйка ты, хозяйка. Не надо ничего,	} 2 раза
Мы только из похода И рады отдохнуть“.	} 2 раза
Заходят они в избу, Садятся на диван.	} 2 раза
А бедная хозяйка В чулане слезы льет.	} 2 раза
Один из них заметил, Другому говорит:	} 2 раза
„Хозяйка ты, хозяйка, О чем ты слезы льешь?“	} 2 раза
„А как же мне не плакать, А как же слез не лить?“	} 2 раза
Отца-то ведь забрали, Сыночка увезли...“	} 2 раза
„Мамашенька, мамаша, Ты что ли не узнала Сыночка своего?“	} 2 раза
И громко зарыдав На сердце у него.	} 2 раза

Таким образом, большинство переделок можно называть „переделками“ лишь очень условно. С равным основанием мы могли бы назвать „переделками“ и многие варианты старой лирической песни.

Для новых советских устных песен характерна их теснейшая связь с советской песней, созданной профессиональными поэтами и композиторами.

Всего в Сегеже нами сделано 43 записи современных устных песен. Перечисленные выше песни пользуются наибольшей популярностью. Так, в список 75 наиболее активно исполняемых песен попали: „Одесса“, „Бескозырка“, переделки „Синенького платочка“ и ответы на „Чайку“ и „Не тревожь“.

Исполняющие такие песни обычно не знают, кто создал новую устную песню или кто осуществил переделку, создавалась ли она в Сегеже или нет. Лишь однажды нам удалось установить авторство песни „Копилка“, и то не всей песни, а лишь четырех последних строк. Происхождение первых четырех строк этой песни пока не удалось выяснить. Последние же строфы были присочинены называвшимися уже сегежскими начинающими поэтами И. Костиным и А. Свиньиным. Вторая часть песни, написанная ими, превращает „Копилку“ из песни первых лет войны в песню о встрече бойца с любимой девушкой уже по возвращении домой. Теперь все сегежцы, знающие эту песню, поют ее в таком именно виде. Приводим текст этой песни:

«КОПТИЛКА»

Коптилка в землянке укрытой
Чуть светится ночью на зло.
Я знаю, коптилка, я помню,
Как было когда-то светло.

Бывало, на улицу выйдешь —
Повсюду горят фонари,
А если гулять ты захочешь —
Гуляй хоть до самой зари.

Напали на родину немцы,
Простился я с ней на крыльце,
И крупные слезы, как жемчуг,
Струились на милом лице.

К врагам я пощады не знаю
За то, что на свете темно,
За то, что вдали не мерцает
Ее дорогое окно.

Когда всех врагов мы прогоним,
Домой поспешу я скорей,
Глаза я рукою закрою,
Увидев ряды фонарей.

Я медлить минуты не стану,
Пойду прямо к милой своей,
Про все фонари я забуду,
Лишь только бы встретиться с ней.

Пойду я к заветному дому,
На памятном встану крыльце —
Ты выйдешь ко мне, дорогая,
С улыбкой на милом лице.

И будем гулять мы с тобою
Опять хоть до самой зари,
А темень от нас отгоняя,
Зажгутся кругом фонари¹.

Кроме названных песен от сегежцев записано (или встречено в рукописных песенниках) около двух десятков песен, не пользующихся значительной популярностью, но, тем не менее, представляющих известный интерес. Среди них особенно следует отметить: „Где же ты“, „Москва“, „Далеко из венгерского боя“, „Поверь“, „Помню я, как тебя провожала“, „Случайная встреча“ и др. В большинстве своем — это лирические песни, говорящие о верности любимому, сражающемуся на фронте, о возвращении бойцов домой и т. д. Все они отличаются высоким патриотическим содержанием, сознанием долга перед Родиной. Основная тема этих песен — любовь юноши и девушки, соратников и товарищей по борьбе:

Под свистом пуль, под грохотом снарядов
Твоя улыбка бодрит меня,
Не забывай, подруга дорогая,
Пиши мне письма, милая моя².

¹ Из песенника И. Костина — слесаря РМЗ Сегежского целлюлозно-бумажного комбината.

² Из песенника Романова — токаря Отделения капитального строительства Сегежского целлюлозно-бумажного комбината.

— поется в песне „Москва“. С ней почти совпадая, перекликается песня „Поверь“:

Прощай, прощай, Москва моя родная.
Ты дорога для каждого бойца.
Не забывай меня ты, дорогая.
Пиши ты письма, милая моя.

Обеим песням как бы отвечает песня „Помню, как я тебя провожала“:

За меня, мой родной, будь спокоен,
А вернешься с победой, мой воин,
Крепко, крепко тебя обниму.

Ей вторит „Письмо девушки“, развивающее тему героического труда советского тыла:

Две весны без тебя я встречала,
По две смены порою не сплю,
Этим самым тебе помогаю,
Еще больше и крепче люблю.
Я желаю, где только ты будешь,
Храбрым быть и всегда впереди.
Люби родину, как меня любишь.
Силой этой любви победишь.

Таков в общих чертах облик песенного репертуара сегежцев.

Наша картина литературно-художественной культуры города была бы не полна без характеристики еще одного, чрезвычайно значительного и важного явления. В Сегеже много интересных и талантливых рассказчиков. Большинство из них — „бывалые люди“: участники гражданской и Великой Отечественной войны, партизаны, передовики труда самых различных специальностей. Совершенно естественно стремление „бывалых людей“ рассказать о пережитом и перевиденном, о своих подвигах и подвигах соратников в борьбе с фашистскими оккупантами, о послевоенной борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства Родины. Особенно активными слушателями всегда оказывается молодежь, жадно воспринимающая жизненный опыт старших товарищей. Рассказывание принимает самые различные формы — от организованных вечеров воспоминаний до рассказывания в узком кругу родных, близких, друзей и т. д.; от простой, безыскусственной передачи запомнившегося события до оформления воспоминаний в серию устных рассказов (новелл) с более или менее устойчивым текстом и отшлифованной частыми повторениями, четкой стилистикой. Выбор той или иной формы зависит от обстоятельств рассказывания, таланта рассказчика, его настроения и т. д.

Такие отработанные рассказы („сказы“) — не менее важная сторона литературной жизни города, чем все другие виды письменной и устной художественной культуры, о которых говорилось выше.

Тематика устных рассказов чрезвычайно разнообразна:¹ гражданская война, установление советской власти в районе, воспоминание о героическом походе Тойво Антикайнена, строительство Беломорско-

¹ Записанные 26 „сказов“ хранятся в архиве Карело-Финского филиала Академии наук СССР.

Балтийского канала им. И. В. Сталина, самого города Сегежи и Сегежского целлюлозно-бумажного комбината, проезд товарищей И. В. Сталина, С. М. Кирова и К. Е. Ворошилова по каналу после его открытия, подвиги бойцов Советской Армии, карельских партизан и подпольщиков на территории, временно оккупированной врагом, трудовые успехи комбината и других предприятий города в послевоенные годы и т. д.

Каждый рассказ, как правило, представляет собой законченное повествование о каком-то одном событии или эпизоде. Темой повествования является всегда что-то типичное; сказ — это „сгусток типичного“, эпизод, в котором раскрывается подчас смысл целой цепи событий. Рассказы всегда очень просты, и рассказчик не отвлекается от основного изображаемого эпизода. Однако сам ход событий и как бы мимоходом начертанные облики советских людей обладают огромной эмоциональной силой и неизменно оказывают большое впечатление на слушателей. Поэтому лучшие из рассказов прочно запоминаются и нередко потом пересказываются слушателями, а затем и слушателями слушателей, обретают регулярную изустную жизнь, шлифуются и совершенствуются коллективом. Так, огромную популярность не только в Сегеже, но и во всем районе (особенно в Надвоицах, где начинается северная лестница канала) получили рассказы о проезде товарища И. В. Сталина по каналу, вскоре после его открытия. Такой рассказ нами записан, например, от начальника 10-го шлюза И. Ф. Фокина, пересказавшего его со слов очевидца — начальника 19-го шлюза Савушкина.

Подобные рассказы записывались тем же летом 1949 г. на повенчанской лестнице канала сотрудниками Сектора литературы Института истории, языка и литературы А. В. Беловановой и К. Ф. Ведюковой.

Значительной популярностью в Сегеже пользуется рассказ Героя Советского Союза А. Е. Румянцева¹, мастера варочного цеха комбината, о подвиге, за который ему было присвоено это высокое звание. Сегежцы горды подвигом своего земляка — одного из лучших солдат Советской Армии. А. Е. Румянец неоднократно выступал с воспоминаниями на вечерах в Доме культуры, в Ремесленном училище и школах. Приведем записанный от него рассказ:

„Перед тем, как мне присвоили звание, мы вышли на границу советской Эстонии. Я получил задание переправиться через реку Нарва для охраны с воздуха находящихся на плацдарме боевых порядков. Переправились ночью, днем не было возможности. Плацдарм — 700 м × 1,5 км, на котором был один лыжный батальон и одна полевая батарея. Ночью я перебрался с четырьмя пулеметчиками и семнадцатью бойцами. Артиллерийским и минометным огнем лед был разрушен. При овладении берегом группа противника (рота) напала на нас. Я успел развернуть два пулемета и частично уничтожил роту, остальные отступили. В этом бою мы уничтожили два пулемета противника и одну малокалиберную пушку, после чего я окопался на берегу и приступил к выполнению боевой задачи.

„22 февраля в 4 часа ночи противник прорвался у лыжного батальона и подошел вплотную к берегу, подошел к нам на 50 м. За-

¹ О нем см. Гр. Х а и т. Герой Советского Союза А. Е. Румянец, Петрозаводск, 1948.

вязался неравный бой. В течение дня отбил восемь атак противника. Во взводе на вторые сутки осталось пять бойцов на четыре пулемета. Пулеметы все работают, и боеприпасов достаточно. В течение ночи также повторилось десять атак. Отбили и их.

„23-го числа днем у меня осталось два бойца. На плацдарме остался вблизи меня штаб батальона — четыре офицера с радией. А батальон (осталось всего 15 человек) был окружен левее, метров пятьсот. В течение дня сильно штурмовал противник, не успеешь одну атаку отбить, как опять штурмуют нас. Я переходил с одного пулемета на другой, стволы накалялись, а два моих бойца не успевали набивать ленты. Когда отказал пулемет, ко мне в окоп заскочили два солдата-немца и один офицер. Я успел схватить автомат. В то время, как стрелял по двум солдатам, офицер полоснул кинжалом по плечу. Я убил его прикладом. После этого, значит, также я изменил позиции, начал обстрел из другого пулемета. Противник успел окопаться вблизи и стал забрасывать гранатами. Три гранаты, которые влетели в окоп, я успел выбросить за окоп, они там и разорвались. После, одной гранатой, меня ранило в шею и контузило артиллерийским снарядом, а бойцов обоих ранило. В это время (вечером уж было) наши части пошли дивизией в наступление для овладения городом Нарвой. Меня без сознания отправили на тот берег.

„В результате двух дней на позициях около моих пулеметов было обнаружено около 200 вражеских трупов. Плацдарм был сохранен.

„После офицеры радировали тов. Жданову, члену военного совета (тогда он был еще генерал-лейтенантом), о моем подвиге.

„Полк наш был отозван на расстояние 6 км от фронта. Это было уже 1 августа 1944 г. Лучшие бойцы полка были построены под знамя. Приехали тов. Жданов и генерал-майор Прохоров, командующий ПВО Ленинградского фронта.

„Прохоров выступил с краткой речью перед бойцами и офицерами полка, в которой поблагодарил за мое воспитание. Знаки вручал мне Жданов. Он передал мне награду и поехал в соседнюю дивизию тоже вручать старшине одному. После вручения я обратился к бойцам полка, призывал их хранить традиции нашего полка“.

Очень популярны различного рода партизанские устные рассказы, начиная от серьезных и деловитых, стремящихся в точности воспроизвести героические дела сегежских партизан (напр., рассказ И. А. Комиссарова о рейде партизанской бригады в глубокий тыл противника, Н. Ф. Наполькова о действиях отряда „Красный онежец“, И. Г. Залецкого о шелтозерском походе и т. д.), и кончая юмористическими о быте партизанского „Шуми-городка“, о забавных случаях из походной жизни.

И те, и другие в равной степени характеризуют патристическую преданность партизан социалистической Родине, их готовность отдать жизнь ради ее освобождения от фашистских полчищ, их стойкость в преодолении лишений, которые приносила им суровая партизанская борьба.

От мастера Мыльно-канифольного цеха комбината И. А. Комиссарова¹ записан рассказ совершенно иного характера, чем рассказ А. Е.

¹ Иван Александрович Комиссаров, год рождения 1923-й, член ВКП(б). В Сегеже живет с 1932 г. Образование — 7 классов средней школы и курсы политсостава в армии. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями „Партизан Отечественной войны 1 степени“, „За оборону Советского Заполярья“. „За победу над Германией“, „За победу над Японией“ и почетной грамотой Верховного Совета К-ФССР. Участвовал в партизанском движении с 1941 по 1944 г.

Румянцева: это рассказ о забавном случае, который мог произойти в любой год войны и о котором рассказывается вне цепи партизанских воспоминаний. Недаром он так и начинается: „был случай“. Вместе с тем, он метко характеризует находчивость партизан и рассказывается с большим удовольствием:

„Был случай. Отряд находился в боевой готовности, никого никуда не пускали, но и выход был неизвестен, в какую минуту. Мы вдвоем с Коноплевым варили рисовую кашу, только, только закипела. В это время команда — „выходи в поход!“ Итти надо было на Бесов Нос (тогда, перед Шокшей). Кашу бросать жалко! А с нами шла лошадь. Мы кашу завернули в тулуп, в шубу (а сначала слили воду) и пока ехали до Бесова Носа (18 км) совсем доварилась. Ну там и покушали горячую кашу, совсем готовую“.

Партизанский сказ, как говорилось выше, мобилизовал силы бойцов, вселял в них веру в непобедимость советского народа. Вместе с тем партизанский сказ бичевал трусов и малодушных, был активным организатором всеобщего презрения к ним. Приведу один из таких сказов, записанный от того же И. А. Комиссарова.

„Еще надо один записать.“

„Один Василий был такой, на складе работал, на задание никогда не ходил. Ужасно боялся самолетов, где самолет появится, — душу отдаст. Однажды они в Няозере с приятелем поехали глушить рыбу. В это время из-за сопки вынырнул немецкий самолет. Василий уже стал зажигать бикфордов шнур, но как увидел самолет, от страха шашку со шнуром сунул себе в карман, хорошо, что потухла.“

„А потом, пользуясь тем, что он так боится самолетов, ребята приходят к нему в склад, особенно Уликин Иван, подбежит и закричит „воздух“ и сделает такую мину, что этот Вася сразу летит в щель, что вырыл около дома“.

Рассказы о Великой Отечественной войне, особенно рассказы из партизанской жизни, до сих пор являются наиболее активно бытующим видом устных рассказов. Вместе с тем, зарождается и крепнет новый послевоенный устный рассказ — о трудовых подвигах лучших стахановцев города.

Мы не останавливаемся специально на вопросе бытования произведений старого, традиционного устного народного творчества. Однако сказать об этом несколько слов необходимо. Популярность лучших традиционных песен уже отмечалась. Нами зарегистрировано сравнительно активное рассказывание старых сказок в общежитиях ремесленного училища, ФЗО и в других молодежных общежитиях города. Активно исполняются также и многие традиционные частушки. Любопытны отдельные попытки использования старых поэтических форм для создания произведений на современные темы. Так, например, Л. Г. Букарева, сотрудница сегежской конторы „Лесосплава“, прислала в адрес газеты „Тотуус“ к XXXII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции „былину-сказание“: „К юбилею“, представляющую собой подражание „новинам“ Пашковой, Конашковой и других известных сказителей республики. Следует отметить, что произведения Л. Г. Букаревой не пользуются особым успехом у сегежской молодежи. Причина этого — стилизаторская направленность ее творчества, резкое противоречие между содержанием и формой.

Усвоение лучших достижений советской литературы и самостоятельное творчество сегежцев становятся активнее, идеологически зре-

лее и целенаправленное с каждым днем. Это не значит, конечно, что сегоднши добились решительно всего и делать им больше нечего. Впереди богатейшие перспективы. Партийные организации и культурно-просветительные учреждения города должны всемерно способствовать дальнейшему планомерному развитию литературно-художественной культуры города. Необходимо преодолеть ряд недостатков, среди которых нам представляются наиболее существенными: 1) отсутствие в городе литературно-творческого кружка; 2) некоторая узость круга участников художественной самодеятельности; 3) вялая работа библиотечных советов; 4) редкие читки произведений художественной литературы в цехах комбината и других предприятий города; 5) слабая лекционная пропаганда художественной литературы; 6) отсутствие со стороны районной газеты и многотиражки комбината регулярной работы с начинающими авторами.

Можно быть уверенным, что эти недочеты будут устранены в ближайшее время.

Победоносное движение советского народа к высотам коммунизма сопровождается дальнейшим ростом и всесторонним обогащением культуры советского народа. Тов. А. А. Жданов в докладе о журналах „Звезда“ и „Ленинград“ говорил: „Каждый день поднимает наш народ выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны“¹. „Центральный Комитет партии хочет, чтобы у нас было изобилие духовной культуры, ибо в этом богатстве культуры он видит одну из главных задач социализма“².

В беглом очерке невозможно исчерпать всего богатства современной советской литературно-художественной культуры социалистического города. Мы смогли коснуться лишь тех ее видов, которые казались нам важнейшими. Детальное изучение отдельных явлений, уточнение их взаимосвязей и путей дальнейшего развития — дело специального исследования, может быть даже ряда исследований. Однако важнейшее ясно уже и теперь.

Многообразные формы поэтического творчества советского народа — профессиональное и массовое (самодетельное), индивидуальное и коллективное, письменное и устное развиваются в теснейшем и органическом взаимодействии, переплетаются друг с другом и переливаются друг в друга ежедневно, ежечасно, ежеминутно.

Задача советских искусствоведов, литературоведов и фольклористов изучать художественную культуру советского народа во всех ее проявлениях, помочь ее дальнейшему развитию и обогащению.

¹ Доклад А. А. Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“. ОГИЗ — Политиздат, 1946, стр. 36.

² Там же, стр. 38.

К. Ф. ВЕДЮКОВА

О РОМАНЕ В. ЧЕХОВА «ВОЗМУТИТЕЛИ»

За время существования советской литературы исторический роман занял в ней довольно значительное место. В статье „О литературе“, опубликованной в 1930 г., А. М. Горький писал: „Незаметно, между прочим, у нас создался подлинный и высокохудожественный исторический роман... Я не знаю в прошлом десятилетия, которое бы вызвало к жизни столько ценных книг. Повторяю ещё раз: создан исторический роман, какого не было в литературе дореволюционной...“

Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась фактором, пробудившим интерес советских людей к далёкому прошлому нашей Родины, к народным движениям, которые обогатили опытом классовой борьбы не одно поколение борцов за светлое будущее народа.

Ясное понимание исторической преемственности, существующей между прошлым и настоящим нашего великого народа, понимание того, что в борьбе против гнёта и эксплуатации складывались и закреплялись революционные традиции русского народа, побудило советских исторических романистов к изображению широких массовых движений прошлых веков.

Наша литература имеет немало превосходных исторических романов, которые отразили на своих страницах эпохи народных переворотов и революций. Среди них первое место занимают романы А. Толстого, А. Чапыгина, В. Шишкова, О. Форш и др.

В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом тов. Сталин указал, какой интерес проявляет большевистская партия к подобного рода народным движениям: „Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и другие. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства...“

„Отдельные крестьянские восстания, — замечает далее тов. Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восста-

ниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“.

Это марксистско-ленинское определение стихийных крестьянских движений, данное тов. Сталиным, ложится в основу советского исторического романа, избравшего своей темой массовое крестьянское движение прошлого.

Наряду с темами о Разине и Пугачеве, о казачьем движении в Поволжье и на Дону, наряду с Богданом Хмельницким и национально-освободительной борьбой на Украине, встает важная тема о восстании крепостных крестьян и заводских мужиков при Екатерине II.

В 70—80-х годах XVIII в. многие губернии России, в том числе и бывшая Олонецкая губерния, были охвачены крестьянскими восстаниями. И эти восстания составили одну из героических страниц прошлого.

Еще в 1708 г. в Карелии, на р. Лососинке был построен пушечный завод, названный Петровским. В качестве рабочей силы к нему были приписаны олонецкие, так называемые „вольные государевы крестьяне“, которые должны были отработывать на заводе подати.

Доведенные до отчаяния притеснениями заводской администрации крестьяне в 1769 г. поднялись на борьбу. Против восставших правительство несколько раз посылало войска, но крестьяне в течение трех лет оказывали стойкое и мужественное сопротивление. В 1771 г. восстание было жестоко подавлено царским палачом Урусовым.

Этот замечательный эпизод героического прошлого не мог найти своего отражения в дореволюционной исторической литературе, которая замалчивала восстания подобного рода или искажала их до неузнаваемости.

Восстание заонежских крестьян 1768—1771 гг. явилось темой романа В. Г. Чехова „Возмутители“, вышедшего в свет в 1939 г. Это был первый исторический роман в литературе советской Карелии; он вызвал широкий интерес у читателей. Роман привлекал с двух сторон: и как историческое повествование, знакомящее с мало известной и мало изученной исторической эпохой, и как художественное произведение, творчески ообразившее один из интереснейших моментов истории Карелии.

Автор романа проделал большую работу исследователя: познакомился с архивными материалами и печатными источниками, внимательно изучил быт, нравы и язык эпохи и, как говорил В. Шишков, посмотрел на все это „не со стороны, а как бы глазами современника и одновременно с позиций сегодняшнего дня“.

Трудность составляло то обстоятельство, что материал о восстании приписных крестьян был небольшой: протоколы следствия по делу о восстании приписных крестьян, сохранившиеся в Петрозаводском архиве, небольшие заметки о восстании в газете „Олонецкие ведомости“, труд историка Семевского „Крестьяне в царствование императрицы Екатерины“, „Волнение крестьян, приписанных к Олонецким заводам в 1769—1771 гг.“.

Нужно сказать, что в основном писатель справился со своей задачей: сумел освоить имеющийся материал, творчески обобщил его и в основном правильно осветил описываемые им исторические события.

В романе чувствуется большая и кропотливая работа. Автору приходилось быть и историком, и этнографом, и фольклористом.

Выход романа В. Чехова в свет был замечен критикой. В 1940 г. появились две рецензии—В. Базанова и А. Кривошеевой, расценивающие новый роман как значительное явление. Рецензенты отметили и тот факт, что автор в основном справился со своей задачей: правильно изобразил борющиеся силы, причины возникновения стихийного крестьянского восстания.

Подчеркнув удачное изображение тяжелой и бесправной жизни приписного крестьянства, героическую борьбу крестьян за свободу, В. Базанов совершенно правильно указывает на недостатки романа, прежде всего на одностороннее изображение крестьянского стихийного движения. „В „Возмутителях“ показаны прежде всего сильные стороны крестьянского движения, боевые качества олонечских приписных крестьян — бесстрашие, героизм и мужество в борьбе, гнев и ненависть к угнетателям...“, — пишет В. Базанов.

„Вообще нам кажется, что Чехову значительно лучше удалась характеристика сильных сторон крестьянского движения, нежели показ его слабостей и недостатков. Патриархальность русского крестьянина, так называемый „бунт на коленях“, неорганизованность, отсутствие ясных политических требований и другие слабые стороны крестьянских восстаний не нашли ясного художественного выражения в романе“.

Вполне обоснованно указывает автор рецензии на недостаточность раскрытия автором внутреннего мира своих героев, на историческую неоправданность некоторых вымышленных лиц романа.

Рецензия А. Кривошеевой имеет целью показать читателю положительные стороны романа „Возмутители“.

Недостатки романа остались вне поля зрения этого рецензента. О них автор говорит бегло в нескольких строках: „Конечно, читатель бы не посетовал, если бы быт и нравы северной деревни последней трети XVIII века были бы раскрыты подробнее, если бы портреты героев были еще более законченными, если бы Клим, Анцифер, Алексей Драницын, Олена и другие герои были бы еще более живыми, речь их сочнее, народнее, если бы автор проявил еще больше смелости и дерзаний в раскрытии их психологии“.

Конечно, советы тов. Кривошеевой приемлемы, но они слишком общи. Желать „больше смелости и дерзаний“ нужно, но одновременно необходимо показать писателю, куда его дерзания должны быть направлены.

Основной сюжет „Возмутителей“ составляет борьба крестьян с угнетателями.

„Когда было крепостное право, вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство, — писал В. И. Ленин в статье „К деревенской бедноте“. — Крестьяне не могли объединяться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было тогда помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуции и пуга“.

В. Чехов и показывает на страницах своего романа эту героическую борьбу, которая велась крестьянами в силу и меру их воз-

можностей и которая терпела поражения, будучи слабой и неорганизованной.

Ярко рисует писатель картину народного угнетения, показывает ту почву, на которойросло стихийное возмущение крестьян, росла их ненависть к притеснителям. Страницы, посвященные изображению тяжести народной жизни, являются лучшими и наиболее художественными страницами романа. Это была особая кабала, кабала приписного крестьянина, оторванного от земли и семьи. Крестьянина обманывали и обирали, последний грош он нес в кабак, чтобы там забыть свое горе.

Замечательны страницы романа, где изображается бунт на Тивдийских мраморных разработках. Написанные с большой эмоциональной силой они дают читателю возможность ясно представить все ужасы подневольного труда приписных крестьян. Хотя восстание олонцев крестьян и потерпело поражение, читатель остается убежденным в том, что все эти возмущения — не бесплодные попытки и что даром они не проходят. Роман Чехова проникнут глубоким историческим оптимизмом. Недаром картина расправы с крестьянами царского палача Урусова кончается такими знаменательными словами: „Несколько времени спустя Клим, Трофимов, Драницын и Белоусов во главе толпы крестьян с домочадцами дремучими лесами пробирались из Олонии на юг к яицким казакам, туда, где через несколько лет ярким пламенем народного гнева вспыхнуло другое крестьянское восстание, во главе которого встал яицкий казак Емельян Пугачев“.

В изображении крестьянской массы, которая и является главным героем произведения, Чехов достиг настоящей художественной правды. Со страниц романа олонцевские крестьяне выглядят темными и забитыми, обобранными и ободранными. Как живой встает перед нами Ипполит Медведев, обманутый, обнищавший, для которого возвращение домой с заводской каторги не несет радости: „Встретит его жена, молча посмотрит ввалившимися глазами, без слов поймет: ни с чем приехал, и отвернется, утирая кулаком слезы. На печи под дерюгой заворачиваются детишки и примолкнут... лучше не думать“.

Удачны образы Васеньки Хибарова, изувеченного на мраморной ломке, „тихого, покорного, как ребенок“, постоявшего за христианскую правду и отдавшего за это свою жизнь; Семена Березкина, вынужденного отдать свою родную дочь на „глум кабацких питухов“.

Эти простые герои изображены Чеховым с большой теплотой и подкупают своей искренностью. На фоне тяжелой и беспросветной жизни „вольного государева крестьянина“ Чехов показывает, как зреет ненависть народа к своим поработителям. Когда приходит „надобность“ подняться против эксплуататоров, крестьяне готовы „сложить свои буйные головушки за правду“. Чехов изображает беспримерное мужество и твердость крестьянства в его неравной борьбе. Изображению этих сторон крестьянской массы автор уделяет главное внимание. Но за этим он забывает показать в такой же мере стихийность крестьянских восстаний. В результате нарушается диалектика исторических событий, стирается историзм.

Показав в крестьянстве „горы ненависти, злобы и отчаянной решительности“, которые готовы были смести все на своем пути, Чехов не должен был забывать и обратную сторону этой решимости — „бессознательное“ отношение к борьбе, отсутствие ясных политических требований, — а эта сторона у него как раз и осталась, к сожалению,

в тени. И потому крестьянство XVIII в. в изображении Чехова страдает некоторой идеализацией.

В романе „Возмутители“ перед нами проходит целая вереница образов: здесь и крестьяне и представители враждебного им лагеря — заводское начальство, купцы, офицеры, петербургские чиновники и вельможи, вплоть до самой „матушки-царицы“.

Главное внимание автором уделяется изображению крестьянства и его героической борьбы со своими притеснителями. И эта „крестьянская“ сторона романа удалась Чехову несомненно лучше, чем другая, где показаны образы царских слуг. Как автор романа, Чехов не овладел еще в достаточной мере мастерством психологического анализа, умением раскрыть перед читателем внутренний мир своих героев, сделать их подлинно живыми. Это в той или иной мере относится ко всем персонажам романа.

В романе писатель нарисовал образ мужественного и талантливого руководителя угнетенного крестьянства — Клима Соболева. Это стойкий борец, до глубины души преданный делу освобождения народа. Главный завет его — „сделать всех вольными“. И этой борьбе за вольность, за счастье народа посвящает Клим всю свою жизнь. Личное счастье отступает у него на второй план. Чехову удалось подчеркнуть и сделать ведущей чертой характера Клима постоянное и настойчивое стремление к достижению цели. Но образ Клима получился у автора все же довольно сухим, резонерствующим. Перед нами не просто крестьянин XVIII в., представитель темного, забитого, закрепощенного крестьянства, Соболев кое-что уже повидал, побывал в Петербурге, выучился грамоте, он понимает многое, что еще не понятно его товарищам, не даром именно он и становится их руководителем.

Но Клим все же был и оставался крестьянином. Неизбежная социальная и историческая ограниченность присуща и ему, ибо он сын своего класса, своего времени. Между тем Чехов слишком модернизировал политическое самосознание своего героя. Многие высказывания и мысли Клима Соболева заставляют забывать, что перед нами крестьянин XVIII в.

На фоне всей крестьянской массы, еще наивно верящей в „матушку-царицу“ и в то, что стоит подать жалобу „во самы белы ручки“ и все будет хорошо, как-то неестественно и слишком уж созвучно звучат речи Клима о бесполезности жалоб царице, о неверии в ее помощь. С недоверием воспринимаются читателем и многие другие высказывания Клима.

Образ Клима мог бы очень выиграть, если бы автор на страницах романа дал историю превращения простого крестьянина Соболева в вожака большого крестьянского восстания. Это сделало бы образ более убедительным. Но о прежней жизни Соболева говорится бегло в трех-четырёх местах романа, и читатель может не поверить тому, что вся предшествующая жизнь смогла сделать Клима таким, каким мы видим его. Замечательным образцом в этом отношении является роман В. Шашкова „Емельян Пугачев“, в котором мы имеем возможность наблюдать, как растет вождь Пугачев, какими путями он приходит к своему великому назначению.

Чеховскому герою не хватает психологической глубины, полнокровности. В романе преобладает показ массовых сцен, описание событий в ущерб раскрытию внутреннего мира героев.

О необходимости показа внутреннего мира героев в историче-

ском романе говорил еще В. Белинский в статье „Разделение поэзии на роды и виды“. „Исторический роман разоблачает перед нами внутреннюю сторону, изнанку, так сказать, исторических фактов, вводит нас в кабинет и спальню исторического лица, делает нас свидетелями его домашнего быта, его семейных тайн, показывает его нам не только в парадном историческом мундире, но и в халате с колпаком“.

Добролюбов также требовал от исторического романиста показа „со стороны их частного быта и внутренних сокровенных дум и стремлений“.

У Чехова в функции Клима входит произношение речей, правильных высказываний, но на анализ его душевных переживаний автор обращает мало внимания. А читатель, понятно, желает, чтобы Клим полнее проявлял себя, как человек и в любви к Олене и в дружбе с Анцифером и во взаимоотношениях со всеми другими действующими лицами, чтобы автор романа чаще заглядывал в самую глубину души своего героя, создав вполне человеческий, при всей его индивидуальности, образ крестьянского вождя со всеми слабыми и сильными его сторонами.

То же отсутствие глубокого психологического анализа помешало Чехову создать убедительный образ молодого крестьянина Анцифера Трофимова. Этот образ подается автором вне всякого процесса развития — он появляется вполне уже оформившимся на страницах романа. Вырвавшись из заводской кабалы, Анцифер сразу становится верным сподвижником Клима Соболева. На слова Клима о том, что надо самим бороться за себя, у властей защиты не сыщешь, Анцифер отвечает: „Истину скажешь. Построим избу, тако же пойду за тобой, теперь я сам себе хозяин!“.

Автор забывает, что перед ним простой темный крестьянин, который еще не осознал по-настоящему, где его враги, где друзья, куда он должен идти и за что бороться. И слова: „Правду говорил Клим Соболев, подставляя спину — правды не добьешься“, вложенные в уста Анцифера уже на первых страницах романа, звучат несколько неожиданно.

Если выше указывалось, что автор идеализировал образ вождя восстания Соболева, то это еще в большей мере относится к образу рядового крестьянина Трофимова.

Некоторое недоумение у читателя вызывает образ Григория Кузнецова: он явно недоработан автором и до конца романа остается неясным.

В какой-то мере это можно сказать и про образ Антона Хибарова. Благородные порывы его, особенно участие в подаче челобитной царю, не вяжутся с образом лихого разбойника, для которого совсем чужды интересы крестьянства: „пускай всяк за себя стоит!“, — вот каков девиз Хибарова.

Более правдивым и искренним получился у Чехова образ Алексея Драницына. Алексей теряет все: любимую жену Аниуску, хозяйство, дом. Полный ненависти к своим мучителям, он уходит в шайку атамана Хибарова, но душа его не лежит к разбойному делу, и Алексей становится одним из верных сподвижников Клима. Снижает образ Алексея история его женитьбы на Клане, введенная автором, вероятно, в целях большей занимательности. Она кажется в романе лишней. Да и сам образ Клани, дочери купца Титова, совсем не удался писателю. Ее желание остаться женой „постылого смерда“ и ссора с отцом слиш-

ком неправдоподобны. На протяжении всего романа образ этот остается надуманным и неживым.

В изображении враждебного народу лагеря Чехов верен исторической действительности. На основании исторических документов рисует он тот страшный беспорядок и злоупотребления, которые царили в канцелярии петровских заводов. Показательны страницы романа, рисующие приезд в Петрозаводск следственной комиссии и ее работу. Вместо того, чтобы разбираться в существе порученного ей дела, члены комиссии занимались препирательствами, „писали больше кляузы друг на друга, чем дознания и опросные листы“. В работе этой маленькой комиссии отразилась, как нельзя лучше, вся большая царская Россия с ее бюрократической волокитой, с ее несправедливым судом, с ее ненавистью к „взбунтовавшимся смердам“. Чиновничий мир остался в романе на втором плане. О нем автор говорит бегло, и скольконибудь детальной разработки его образов он не дает: екатерининские чиновники страдают схематичностью и неполноценностью, представители заводской администрации во главе с Соймановым, офицеры-усмирители бунта, петербургские чиновники и сама Екатерина II под пером автора не становятся живыми людьми, отражением самой жизни.

Автор не избежал и некоторой односторонней схематичности в изображении чиновничьего мира: все представители этого мира одинаково жестоки, одинаково жадны до нищенских мужицких грошей, одинаково ненавидят „смердов“. В той же манере подается писателем и образ Елагина, петербургского чиновника, присланного в Олонецкую губернию для разыскания руды.

Исторические же источники говорят, что Елагин не из-за каких-либо корыстных целей решил передать царице челобитную, а глубоко пораженный бедностью и нищетой приписных крестьян, что он скрывал в Петербурге у себя на квартире олонецких ходоков, и за все это навлек на себя царскую немилость.

Почему же автору непременно хочется подстричь под одну гребенку всех представителей господствующего класса? Почему он обходит молчанием тот факт, что бедственное положение крестьянства находило сочувствие у лучшей части дворянского общества?

Более других удался писателю образ регистратора Назимова. Чехов говорит не только о том, какой он, но и почему он стал таким, показывает те условия, которые создали этот отрицательный тип и жертвой которых стал этот маленький чиновник.

Положительной стороной романа является широкое использование фольклора. Фольклорный материал положен в основу ряда глав — „Сватовство“, „Поминки“, рассказ „Девичий остров“. Восставшие заонежские крестьяне поют, например, песню „Не пыль поле пылит“. Фольклорные источники (песни, пословицы, поговорки) помогают автору шире взглянуть на народную жизнь. Ими роман не перегружен. Жаль только, что автор использовал исключительно старые фольклорные записи, вошедшие в описание Олонецкой губернии Дашкова и в „Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому и Онежскому“. Познакомившись с новыми записями, Чехов мог бы найти более социально-острый материал.

Роман „Возмутители“ выдержал два издания. Второе, переработанное автором издание вышло после войны, в 1948 г.

Текст новой редакции доказывает, что автор не прошел мимо указаний критики и читательских отзывов: более или менее удачно

критические замечания нашли в той или иной мере свое отражение в работе писателя над вторым изданием.

Переработка коснулась и некоторых персонажей романа, в частности в новом художественном свете предстал перед читателем Анцифер Трофимов. Ранее этот образ не свидетельствовал о пути, которым пришли к восстанию миллионы простых рядовых крестьян, он не отражал в себе колебаний крестьянства, его неорганизованности, неясного понимания своих целей и т. д. Все это достигнуто писателем во втором издании.

Здесь образ Анцифера дается в развитии. Анцифер действительно становится верным товарищем Клим Соболева, но это приобщение к борьбе происходит не сразу, а постепенно, в результате горьких и тяжелых столкновений с ужасной действительностью.

Во второе издание автор вводит новый персонаж — Анку Кулагину, невесту Анцифера. Ее судьба становится одним из отправных моментов, побуждающих Анцифера к борьбе. Чехов показывает, как постепенно наполняется ненавистью сердце Анцифера, как растет в нем жажда мести и готовность выступить против обидчиков.

Пример и агитация Клим помогают ему понять многое, чего он не понимал раньше. Так приходит герой Чехова к мысли об активной борьбе.

Но переработав образ Анцифера, Чехов этим и ограничился. Слабые стороны крестьянского движения и во втором издании не нашли своего отражения. При сравнении двух текстов можно заметить лишь незначительные переделки, которые, конечно, своей цели не достигают.

Во втором издании автор добивается большей живости в изображении чиновничьего мира. Этому помогает внесение в роман некоторых бытовых и психологических деталей, помогающих глубже раскрыть образы и понять быт того времени. Показанный не только в канцелярии, в роли начальника, но и в семейной обстановке, в отношениях со своими близкими, более выпуклым и живым становится Соیمانов.

Излишней тенденциозности избегает автор в образе Елагина, который дается теперь без прежней схематичности. Очень удачно введено в текст романа письмо Елагина, в котором рисуется картина тяжелой жизни русского и карельского крестьянина. Это письмо, написанное столичным баринном, увидавшим в Карелии лишь „бедность и нищету, нищету и бедность“, является ярким документом и в композиции романа оно находит свое место.

Немногими, но верными штрихами дополняет автор бледный и невыразительный в первом издании образ Екатерины II, первой русской помещицы. Екатерина II переписывается с Вольтером, надевает маску „просвященной монархини“, но этот внешний либерализм не мешает ей жестоко расправляться с народом.

Переработка коснулась и образа Клим. Стремясь глубже раскрыть психологию героя, Чехов вводит в роман новые главы об аресте Клим в кабаке и его побеге; в главе „Кабацкий бунт“ заменяет Хибарова Соболевым, расширяет сюжетную линию Клим — Олена. И все же нельзя сказать, что образ Соболева в результате этих изменений много выиграл в художественном отношении. Автор заставил Клим больше разговаривать с Оленой. Но расширение диалога не всегда способствует раскрытию внутреннего мира героев. Клим Соболев про-

должает страдать некоторой сухостью и приглаженностью. В работе над образом Клима писателю удалось только отдельные моменты. Так, очевидна положительная сторона переработки главы „Кабатский бунт“. Выше говорилось, что в этой главе Чехов заменил Хибарова Соболевым. В первом издании с кабатчиком расправлялся атаман разбойничьей шайки Антон Хибаров, когда-то сданный этим кабатчиком в рекруты. Во втором издании кабатчика убивает Клим Соболев, узнавший в нем питерского подрядчика, по милости которого был до смерти заперт отец Клима. От этой замены картина кабацкого бунта только выигрывает: мстителем за горе народное выступает не разбойничий атаман, а крестьянский вождь Клим Соболев.

Но в работе автора над вторым изданием необходимо отметить и существенные недостатки. При сравнении текстов первой и второй редакций чувствуется некоторая поспешность, отсутствие органической спайности текста. Это сказывается и в образе Анцифера. Автору не совсем удалось создать новый цельный образ героя. Очень часто Чехов ограничивается только тем, что в старый текст вносит новые вставные эпизоды, имеющие целью по-иному показать Анцифера, но эти эпизоды так и остаются вставными, не сливаются органически со всем повествованием. Это можно сказать о главе второй „За великой топью“ и о главе шестой „В лесу“ и некоторых других.

Иногда автор просто выкидывает из текста слова Анцифера первого издания или несколько видоизменяет их и ограничивается этой внешней перелицовкой, оставляя нетронутым прежний диалог, хотя он теперь совершенно не вяжется с новой подачей образа Анцифера.

В главе „Кабатский бунт“ Чехов, заменяя Хибарова Соболевым, заставляет его (Соболева) в некоторых местах произносить те же речи, что и атамана разбойников, даже с теми же интонациями и жестами. И, что особенно неестественно, заставляет Соболева свистеть „разбойничьим посвистом“.

В главе „Арест Клима“ в первом издании автор пишет: Олена, занятая стряпней воскресного обеда, захлопоталась. Не хотелось ударить в грязь перед дядей Кулагиным, у которого они с Климом остановились. Ей помогала Ксюша. „Оле нушка, сестрица моя названная, — ласкаясь к молодой женщине, говорила Ксюша, — уже я тебя не покину, одна ты у меня на белом свете. Куда ты — туда и я. Пока будешь в Великогубском — и я поживу у дяди, возвратишься домой — я опять к Семёну Ивановичу уйду“.

Во втором издании (в отличие от первого издания, здесь Ксюша стала женой Анцифера) писатель должен был бы сократить упомянутый выше эпизод, так как он теперь не соответствует действительности. Между тем этот эпизод подвергся самой незначительной переработке, и потерявшее всякий смысл признание Ксюши „куда ты — туда и я“ механически переносится во второе издание: „Олена, занятая стряпней воскресного обеда, захлопоталась. Не хотелось ударить лицом в грязь перед дядей Кулагиным, у которого они с Климом остановились. Ей помогала Ксюша. „Куда ты, туда и я“, — говорила Олене Ксюша. В избе стоял вкусный запах“.

Во втором издании, в отличие от первого, кузнец Григорий перекидывается в разбойничью шайку атамана Хибарова и становится его сподручным. Он вполне согласен с Хибаровым, что „Климку Соболева кончить надо“. Жизненная философия его теперь такова: „Надо было раньше ему уйти к атаману. Напрасно боялся. Все равно, если

слова, — не пожалеют. Хотя за отказ от заводских работ, хоть за разбойную жизнь, а отвечать придётся. Клим только кричит: „Рога-тины берите, косы, так скорее правды добьётесь!“. Правды! Правда у Григория своя — это деньги, вольная жизнь“.

Казалось бы, это должно было изменить и дальнейшую разработку этого незавершенного в первом издании образа. Но автор этого не делает. Дальнейшая судьба Григория остается без изменений: он, как и в первом издании, послан крестьянами как верный человек в Петровскую слободу, чтобы разузнать там о солдатах; выступая от имени крестьян перед капитан-поручиком Ржевским. Григорий гибнет от его рук.

Всё это не вяжется с новой биографией образа Григория, для которого интересы крестьянства уже не существуют, — их заслонила „сытая“ разбойная жизнь.

Автор, начав дорабатывать образ, бросает эту доработку на полдороге. Подобного рода недоработки и недоделки часто сводят на нет то ценное, что достигнуто во втором издании. И это должно быть учтено автором при дальнейших переизданиях романа.

Сам же факт новой работы над текстом имеет принципиальное и положительное значение. Он говорит о требовательности автора к себе, о том, что автор не успокаивается на достигнутом.

Роман „Возмутители“ — первое крупное произведение Чехова, плод большого и упорного труда. Не всё удалось автору в равной мере. Роман еще страдает некоторыми недостатками, но все они не лишают его основной ценности, заключающейся в том, что Чехов возродил одну из интереснейших страниц истории Карелии, создал произведение о героическом прошлом нашего народа.

СОДЕРЖАНИЕ

И. В. Первозванский. Вопросы экономики и организации производства на предприятиях лесной и бумажной промышленности	3
Н. Ф. Комшилови Л. И. Спиркова. Цнэвый осмол Карело-Финской ССР. Распределение смолистых веществ в сосновом пне. (Сообщение 3-е)	10
А. И. Марченко. Плодородные почвы Северной Карелии	21
А. С. Лутта. О задачах паразитологических исследований в Карелии	27
П. В. Зыков. Редкие рыбы в водоемах Карелии и некоторые вопросы зоогеографии	35
А. В. Белованова. Ленин и Сталин в творчестве сказителей Советской Карелии	43
К. В. Чистов. Литературно-художественная культура социалистической Сегежи	53
К. Ф. Ведюкова. О романе В. Чехова „Возмутители“	81

SISÄLTÖ

I. V. Pervozvanskij. Taloudellista ja järjestelykysymyksiä metsä- ja paperiteollisuusalan tuotantolaitoksissa	3
N. F. Komshilov, L. I. Spirnova. Karjalan tervaskannot. Pihkapitoiset aineet männyn kannon eri osissa	10
A. F. Martshenko. Pohjois-Karjalan hedelmällisestä maaperästä	21
A. S. Lutta. Parasitologisen tutkimustyön tehtävistä Karjalassa	27
P. V. Zykov. Karjalan vesistöjen harvinaisista kalalajeista ja eräistä eläinmaantieteen kysymyksistä	35
A. V. Belovanova. Lenin ja Stalin Neuvosto-Karjalan sadunkertojen ja runonlaulajien luomuksissa	43
K. V. Tshistov. Taiteellinen ja kirjallisuuskulttuuri sosialistisessa Segezassa	53
K. F. Vedjukova. V. Tshehovin romaanista „Villitsijät“	81

ЗАМЕЧЕНИЯ О ПЕЧАТКАХ

Страниц	Строка	Напечатано	Следует
30	В заголовке	Протозология	Протозология
41	В таблице	Возраста	Возраст
61	1 снизу	1946	1948
77	4 сверху	ого	его